

дебютанты
«КА»

повесть

*Продолжение.
Начало в предыдущем
(«Рубин») выпуске*

181

Лейсан Татина

ТАЙНА булгарских подвесок

7. Две незнакомки

Бежали наугад. Лабиринт улиц казался нескончаемым. Роберт следил, чтобы девочка не отстала. Бежать в огромных тапочках было сложно. Чтобы не потерять обувь, Эльке пришлось взять её в руки. Запыхавшись, остановились в каком-то странном месте. Погони не было. Вокруг стояли деревянные и каменные дома, но редкие прохожие были одеты иначе, чем те, которых встречали ранее.

– Наверное, это и есть Каравансарай, – решил Роберт. – Даат велел держаться от него подальше. Давай побыстрому прочекаем* обстановку?

– Роб, пока бежала босиком, я, похоже, порезала ступни. – Эля поморщилась от боли и присела на один из известняковых камней, что лежали вдоль улицы, отделяя пешеходную зону от проезжей. – И жарко. Посижу тут в тени. Если хочешь, сам осмотри район. Я по-

* Прочекаем (подрост. сленг) – проверим.

дождю и ноги пока забинтую. Придётся подол оторвать.

Девочка задумчиво разглядывала платье, а потом внезапно спросила:

– Слушай, а можно чужие шмотки на бинты пустить?

– Элька, обернись осторожно, – пробормотал в ответ юноша, как будто и не слышал её вопроса.

Его что-то привлекло за её спиной. Скосив глаза, она заметила приближавшиеся носилки, вспомнилось по виденному когда-то фильму, что подобное сооружение называли паланкином. Любопытство пересилило осторожность, и девочка уже открыто рассматривала необычную процессию. Четверо крепких мужчин несли небольшую кабину. Она имела стенки только с трёх сторон. Внутренняя красная обивка походила на шёлк. Синяя крыша напоминала китайскую четырёхугольную пагоду, с каждого её угла свисали кисти жёлтого цвета. Они раскачивались в такт движениям носильщиков. Внутри кабинки сидела девушка в богатом одеянии, черные её волосы были забраны в высокую причёску. Элька внимательно всмотрелась в странную госпожу и прошептала Робу:

– Похоже, азиатка. И слуги тоже.

Процессия прошагала мимо наблюдателей и остановилась у ворот двухэтажного каменного дома. Из-за угла выбежал мальчик лет десяти и направился к паланкину. Девушка приказала поставить её на землю, после чего вышла и приняла от мальчика бумажный свиток желтоватого цвета. Развернула. Пробежалась по нему глазами. Через секунду рывкнула что-то в лицо посыльному и вернула письмо. Постояла со сложенными на груди руками и вошла в открывшиеся ворота.

– Ну, дела-а-а, – растянул Роберт удивлённо. – Двенадцатый век, а китайцы уже здесь.

– Ты вообще в музее слушал экскурсовода? – Элька привычно закатила глаза. – Одно из ответвлений Шёлко-

вого пути проходило через эти места. Но почему китайская женщина тут находится, не понимаю. Ведь с торговой миссией раньше ездили только мужчины. Похоже, она – не просто туристка. И что мне делать с ногами?

– Не знаю... – Роберт развёл руками.

Решив не рвать чужое платье, Элька стянула с головы платок, разорвала его на две половины и, как умела, забинтовала ступни. Потом натянула обувь и вопросительно уставилась на друга:

– Вроде готово. Даже поверх повязок налезли эти гигантские тапки. Куда двигаем? Ты дорогу запомнил, когда удирали? Судя по твоему изумлённому лицу, нет. Девочка опёрлась о руку Роберта, он и не возражал, понимая сложность её положения.

Озираясь по сторонам, подростки двинулись в обратный путь. Оказалось, идти им пришлось довольно долго. Караван-сарай сменился небольшими деревянными строениями и тихими улочками. После начался квартал зажиточных горожан с домами, отделанными штукатуркой и украшенными барельефами с арабской вязью, цветными изразцами. Улица богачей упёрлась в стену, за которой возвышалось трёхэтажное здание. Подростки прошли вдоль ограды. Заметив у ворот охрану, догадались, что перед ними дворец эмира. Миновали вооружённых воинов и зашагали вдоль высокого каменного забора, который в дальних закоулках терялся среди деревьев и кустарников. Глухая кладка местами слегка осыпалась, кое-где не хватало отдельных булыжников. Подростки с любопытством заглянули в одно из таких подобию замочной скважины.

За стеной раскинулся сад с дорожками для прогулок, и благоухали нежные розы. Пышные кроны деревьев создавали благословенную в летний зной тень. В нескольких метрах от места наблюдения вполоборота к ним стояла девушка. Стройная, в светлом

платье до пят, по подолу которого сверкала вышивка золотом. На запястьях блестели браслеты. На плечи был накинут лёгкий плащ. Волосы толстой косой спускались ниже пояса. Голову украшал изящный золотой венец, что удерживал тонкое покрывало. На вид ей было лет восемнадцать. Быстрыми движениями рук она смахивала слёзы с ресниц, при этом браслеты тихонько бренчали. Но даже печаль не могла помешать разглядеть красоту её миндалевидных глаз

– Элька, у неё на висках те самые подвески! – ошарашил подругу Роберт, как только плачущая девушка поравнялась с местом, где они устроили тайный пункт наблюдения. – Только они блещут как новые. И все детали на месте.

– Так они и есть новые. Получается, легенда из музея правдива? – Эля внимательно осматривала незнакомку, забыв о боли в порезанных ступнях.

Неподалёку хрустнула ветка, известив юных друзей, что кто-то ещё наблюдает за садом. Девушка обернулась, незаметно смахнула слёзы и с улыбкой поспешила к ограде. Ей навстречу шёл молодой мужчина, только что прыгнувший с каменной стены. Высокий, ловкий и красивый. Одежда выдавала в нём воина, на широком поясе висел кинжал и боевой топорик.

– Асан, – обратилась к нему красавица.

– Айсун! – поклонился батыр и взял девушку за руку.

Встреча их была непродолжительной. Слов затаившиеся наблюдатели не понимали, но эмоции пары говорили о взаимной любви. Асан, похоже, умолял о чём-то возлюбленную и клялся, положив правую руку на грудь. Девушка в ответ обхватила ладонями своё лицо и покачала головой. В конце концов, она кивнула и наградила Асана нежным взглядом. После чего мужчина с лёгкостью взобрался на забор и, свистом подзвав коня, вскочил на него и умчался.

– Нехорошо вышло, – от противного

чувства, связанного с невольным подглядыванием, Эля поморщилась.

– Да тут какие-то средневековые страсти разворачиваются. Как же там в легенде говорилось? – Роберт пытался припоминать слова экскурсовода.

– Пойдём, а то нас Даат, наверное, ищет.

До площади с фонтаном дошли молча и наугад. Вдруг подбежал мальчонка и настойчиво потянул куда-то, указывая в сторону и выкрикивая невнятные слова. Отвязаться было невозможно. Друзья хоть и с опаской, но пошли за ребёнком, а вскоре увидели спешащего им навстречу профессора и выдохнули с облегчением.

– Куда вы пропали? Ох, и заставили понервничать, пришлось младшего сына Мумина задействовать в поисках.

Как же приятно было слышать знакомый голос и понятную речь!

– Да, мы тут это... фонтан нашли, потом испугались мужика с оружием и рванули. А после заблудились, – начал оправдываться Роберт.

– Почему ноги забинтованы?

– Пришлось тапки в руки брать и бегать. Нужно промыть и обработать раны. Надеюсь, до дома добреду, – ответила Эля.

Но эти травмы изменили дальнейшие планы. И Даат повёл ребят к травнику Утче.

8. Проклятие

Дом Утче располагался у крепостной стены и снаружи ничем не отличался от других подобных строений. После стука дверь отворилась. На пороге их встретил мужчина лет шестидесяти, прямой, поджарый и седой. Его большой мясистый нос и крупные черты лица выдавали уроженца Ближнего Востока. Одежда вторила его происхождению. Тело он своё облачил в длинный светлый балахон до пят. Профессор поздоровался, но тут же осёк-

ся, увидев, как травник поднял руку, выставив вперёд развёрнутую ладонь. Лишь оглядев всю троицу, хозяин дома произнес: «Мактуб», после чего жестом пригласил их в дом.

В сенях под потолком висели пучки засушенных растений, отчего в воздухе улавливался сладкий и пряный аромат. На полках расположились глиняные и стеклянные сосуды с разноцветными жидкостями.

Ребята вместе с профессором прошли в комнату и сели на скамью. Обстановка в доме травника напоминала их временное жилище. Ничего необычного: печка, топчан, полки. Только в отличие от их избушки, здесь на полу красовался шерстяной ковёр с замысловатым восточным узором.

Даат снял повязки с ног девочки. Хозяин дома быстро осмотрел раны, вышел в сени и через пару минут вернулся с глиняным кувшинчиком и стеклянным сосудом, прикрытым холстиной. Из первого промыл порезы, из второго деревянной палочкой достал пахучую мазь, смазал ступни и забинтовал ноги чистой тканью. Затем что-то сказал профессору и снова посмотрел на подростков.

– Он говорит, что вы здесь не в своё время, как и я. Сейчас разъяснит, как попали сюда и почему, – Даат медленно переводил слова травника, видно было, что от волнения древний язык даётся ему непросто. – Вы попали в коридор безвременья из-за проклятья. Оно лежит на золотых украшениях, принадлежащих дочери эмира – Айсун. Скверно повели себя рядом с ними, насмеялись друг над другом. А они – символ привязанности Айсун и её возлюбленного Асана. Эмир завещал главному визирю жениться на единственной дочери. Этот человек сейчас исполняет обязанности правителя Булгара, потому как сам эмир пропал без вести в далёких землях, а его сыновья по возрасту не могут вступить на престол. Айсун противится свадьбе с нелюбимым.

Но воля отца – закон. Празднество готовится на конец августа.

Утче помолчал, дожидаясь пока Даат донесёт его объяснение до ребят, и продолжил:

– Проклятие привело вас сюда неслучайно. Ожидается трудный путь, и только от вас зависит, вернётесь ли обратно в свой мир. Подвески сами найдут вас, и тогда нужно будет откликнуться на зов. Потому что их главное назначение – объединять людей, помогать им в выборе. А проклятие перевернуло всё с ног на голову.

Профессор вслед за травником закончил переводить его слова и глубоко вздохнул:

– Да-а-а... вот это вас занесло. Как же так? Ну, ладно меня, я – старый искатель исторических истин. Теперь-то понятно, это в наказание за перепалку с Нелей Мунирвной меня сюда закинуло. Но чтоб ещё и вы попали сюда!

Учёный, не удержавшись, вскочил со скамьи и принялся ходить по комнате, в недоумении вознося руки к потолку. Но хозяин дома жестом указал ему на скамью. Даат снова сел, тогда Утче похлопал его по плечу, остановив табун мыслей на полпути к обрыву. После чего заговорил, а профессор продолжил переводить:

– Помните, что до даты свадьбы Айсун и визиря Ямана вам нужно разрушить силу проклятия, которое наложено старой ведьмой Убыр. Сам Яман приказал ей наслать колдовство на украшения, чтобы отвратить Айсун от любимого. Через подвески происходит борьба добра и зла, любви и ненависти, дружбы и вражды. Судите сами, какая у них сила, если даже несущественное столкновение смогло пробудить проклятие и отправить вас на тысячу лет назад из-за небольшой перебранки.

– Получается, и в наше время подвески сохраняли колдовство, и если мы сейчас поможем Айсун и Асану соединиться, то история может поменять свой ход, так? Нам разве можно вме-

шиваться в события прошлого? – Эля удивлённо взглянула на Даата.

– Нет точных данных науки об этом времени. Даже про главных персонажей ничего неизвестно, остались лишь обрывочные сведения в письменных документах. А эта история про Айсун и Асана вообще считается легендой. Чем она закончилась, никто не знает. И что нам посоветует достопочтимый Утче? – обратился профессор к безмолвно наблюдавшему за ними травнику.

Тот посмотрел на каждого, закрыл глаза и произнёс очередное предсказание, тут же донесённое до подростков Даатом:

– Ждать. Готовиться. Верить своему сердцу. Оно знает, чего хочет. Но как избавиться от проклятия, не скажу. Мне это неизвестно. Втроём вы сильны. А история истинной дружбы и любви всегда найдёт дорогу.

– Так хочется проснуться, – вдруг произнёс Роберт, нахмурившись. – Я думал, мы попали в петлю времени, как в фильмах бывает. А тут – на тебе! Какие-то древние бабы-ёжки с проклятиями. Меня к такому жизнь не готовила!

В глазах его мелькнуло явное нежелание бороться с мистическими силами, в существование которых юноша не верил до сегодняшнего дня.

– Роберт, и мне сложно осознать, что неслучайно нас сюда занесло. Все мои научные знания и представления терпят крушение в настоящий момент. – Даат говорил тихо и вдумчиво. – Но лучше понимать ситуацию, чем тешиться иллюзиями.

– Профессор прав. Мы хотя бы узнали, почему очутились здесь. Ну, вот делать-то что? – Эля поправила бинты на ступнях и надела тапочки.

– А ведь подвески нам уже повстречались, – вспомнил Роберт. – В саду дворца. Парочку эту мы тоже видели. Ещё и странную китайскую девушку встретили в квартале иностранцев.

– Значит, завертелось веретено

событий, – хлопнул себя по коленям Даат и поднялся на ноги. – Китайская девушка – принцесса Су Цзи – тоже замешана в нашей истории. Сплетничают в народе, что приглянулся ей Асан. Да и его отец – правитель города Шамсуар – хотел бы породниться с домом китайской принцессы. Их богатство поможет ему выиграть первенство у Булгара. Нужно искать выходы на семью эмира, чтобы помочь влюблённым соединиться. Сейчас же идём домой.

Поблагодарив Утче, профессор и подростки поспешили его покинуть. Травник поклонился им и на прощание сказал:

– Только вы знаете, до какой точки нужно идти, чтобы вернуться.

По дороге к пристанищу Даата Эля не выдержала:

– Я думала, что колдуны только в фильмах и книгах загадочные. А они и вправду такие. Наговорят мути, а ты разбирайся.

– Что за точку имел в виду Утче? Куда мы должны идти? – Роберт сам не ожидал от себя столь глубоких вопросов.

– Может, конкретное место, а может, степень эмоционального напряжения. Возможно, и то, и другое. – Профессор задумчиво шёл между ребятами и держал их за руки.

– Вы нам ещё не рассказали, как сами здесь очутились. Как долго вы тут? – Эля повернула голову к мужчине в ожидании ответа.

– Судя по дате вашего исчезновения десять дней меня нет в нашем мире. А по местным подсчётам, два года уже. И всё это время я познавал местные нравы и жизнь булгар. Успел язык выучить. Мне, как историку, можно сказать, выпал один шанс на миллион. Хотя, как и вам, сначала пришлось туго, и многое было непонятным. Хорошо, что в первый же день встретился Мумин, он поселил меня в своей старой избе. Давайте доберёмся

до дома, поедим, и я расскажу всё по порядку.

9. Даат

– С чего же начать? Хм... – После ужина профессор устроился на топчане и задумался. – Давайте начну сначала. Долго, лет двадцать пять, я сотрудничал с историческим музеем Казани. Моя должность способствовала этому. Специализировался на Средневековой истории Поволжья. Много времени потратил на исследование Волжской Булгарии. Всегда восхищался тем, как расцвело это государство за первые сто лет своего существования. Немного исторической справки хотите? – обратился Даат к подросткам.

Они кивнули в ответ. Раз приходится жить в прошлом, то узнать о местных условиях не помешает.

– Стратегия болгарских правителей по созданию сильного государства оказалась успешной. Пришли они со своим народом сюда, в край слияния Волги и Камы, из степей вблизи Чёрного моря. Перемешались с местным населением. Не думайте, что в те времена хорошие территории пустовали. Земля здесь всегда славилась обилием леса, дичи, плодородных полей, воды. Но к такому набору плюсов и минусы прилагались. Непроходимость лесных чащ, холодные зимы, бытовые сложности, полчища змей. Не зря Зилант является символом Казани. Легенда о нём выросла из встреч с пресмыкающимися, что постоянно случались в этих краях.

После обоснования на новом месте нужно было подумать о будущем процветании. Правители стали налаживать торговые связи, строить города, открывать рынки и осваивать земли. Сельское хозяйство превратилось в главную экономическую силу. Крестьяне придумывали новые способы для вспашки почвы и выращивания зерна. Хотя и скотоводство оставалось важным

делом для народа. Появился речной флот. При помощи него купцы смогли доставлять товары в разные страны по водным артериям края.

И вот к десятому веку Булгарское царство набрало необходимую силу и мощь. Но нужно было объединить в своём составе множество городов и самостоятельных племён. Тогда в мае девятьсот двадцать второго года правитель Алмуш объявил ислам государственной религией. По этому поводу даже легенда существует. Хан и его жена заболели неизвестной хворью. Никакие лекари не могли их вылечить. Когда надежды на выздоровление почти не осталось, появился загадочный врачеватель из Багдада. Перед лечением взял слово с правителя, что тот перейдёт в мусульманство, если недуг исчезнет. Алмуш дал обещание. А когда болезнь отступила, то с радостью выполнил обет. Так гласит предание. А исторические факты грандиозного события в красках описал путешественник и писатель Ахмад ибн Фадлан. Вместе с другими посланниками багдадского халифа он почти год добирался до берегов Волги. В своих записках об этом необычайном путешествии Ахмад ибн Фадлан подробно рассказал, как встречали послов при дворе правителя, чем угощали, о чём говорили. Принятие общегосударственной религии в любом государстве играет важную роль. Для болгар это означало усиление позиций в Поволжье и помощь мусульманских правителей в случае нападения врага. С того времени установились постоянные близкие торговые, культурные, политические связи с арабским Востоком. Арабы в те века переживали ренессанс, там был расцвет экономики, искусства и науки.

– Вот почему Великий шёлковый путь проходил через Булгарию! – догадалась Эля. – Получается, ниточка потянула за собой людей, деньги, торговлю.

– Правильно! – улыбнулся Даат. –

В Поволжье стали стекаться мастера, ремесленники, купцы из Багдада.

– А местные чем занимались? – спросил Роберт.

– Обживали край, исследовали новые земли и распространяли влияние государства вокруг. Кожевенные мастера прославились далеко за его пределами. Есть теория, что знаменитый итальянский бренд «BVLGARI» основали потомки булгарских племён. Предположение красивое, но ещё не доказанное. А вот тонкие украшения из серебра и золота древних ювелиров Булгара хотели заполучить многие модницы того времени. Помните подвески? – подмигнул профессор, – это тоже работа местных мастеров. Особенно приветствовалось, когда украшения при ходьбе звенели, предвосхищая появление их обладательницы.

– Зачем это нужно было? – не поняла Эля задумку средневековой моды.

– Чтобы отгонять злых духов, показывать достаток семьи и создавать неповторимый образ, – перечислил Даат.

– В общем, с того времени только духи исчезли, остальное и сейчас актуально для женщин. – Роберт со смешинкой в глазах взглянул на подругу. – Это всё *fine*^{*}, но как вы-то сюда попали?

– Простите, отвлёкся. Давно не читал лекции, легко теряю нить повествования. – Профессор сложил руки на колени и продолжил: – Года три назад занялся исследованием с моим аспирантом. Стали нужны некоторые предметы жизнедеятельности булгар, за ними и отправился в музей. Директором там как раз стала известная вам Неля Мунировна. Её знаю ещё со студенческой юности. Дружили одной компанией.

– А нам показалось, она вас ненавидит. – Эля переглянулась с Робертом.

– О, это давняя история. Влюбилась в меня по молодости Неля. Устраивала

козни, пыталась рассорить с невестой. Но тщетно. Мы с моей Альфиёй мудрее оказались. На ерунду не разменивались. Поженились сразу после получения дипломов, прожили дружно, – профессор замолчал. Слезная пелена затуманила взор его голубых глаз, голос задрожал. – Незадолго до отправки в прошлое она погибла, машина сбила на переходе.

– Соболезную... Даат, а может, это проклятье? – предположила Элька.

– Спасибо. Сейчас и я так думаю. Перед этим состоялся один злополучный спор. Неля показывала нужные мне предметы. Мирно договорились, что доступ к ним для исследования предоставит. Потом разговорились про жизнь, много лет не общались. Оказалось, она дважды выходила замуж, и оба раза неудачно. Посетовала, что отказал ей в молодости. Я лишь отмахнулся со словами: «Полно, Неля, столько воды и песка утекло. А ты всё сожалеешь». «Не жалею. Надеюсь», – ответила она, пристально глядя в мои глаза. Я только и успел пояснить: «Но меня в семье всё устраивает». А её как прорвало, попал под град колкостей про меня и жену. Тогда и я не сдержался, сказал: «Неля, зачем столько ненависти и злобы? Давай в рабочем порядке продолжать общение». Но она не согласилась, так и заявила: «Ты, конечно, известный учёный. Но я вправе отказать в предоставлении артефактов. А без этих побрякушек ты ничего не напишешь!» Потом взяла в руки те самые височные подвески и поднесла к моему носу.

Профессор вздохнул и продолжил:

– Сказал, что это уже шантаж. Мол, могу решать эти вопросы через министерство, а она в ответ: «Можешь как угодно и где угодно искать выходы. Но я буду сопротивляться!» И выставила меня из своего кабинета. А через неделю случилась трагедия с моей женой. С её уходом стал плохо спать. Долго бродил в одиночестве по городу после лекций и как-то вышел к музею. Вспом-

* Fine (англ.) – прекрасно.

нил последнее посещение. Разозлился. Хотелось выплеснуть боль. Но Неля оказалась в командировке. Попросил её помощницу принести отложенные недавно предметы. Думал, поработаю, забудусь. И правда, наедине с древностями стало спокойнее, скрупулёзность помогает выкинуть из головы плохое и сосредоточиться на процессе. Повезло, что директрисы не было несколько дней. Успел завершить свои изыскания. И в последний день, удовлетворённый, направился к выходу. По пути заметил новую дверь, которой не было ещё недавно. Любопытство исследователя заставило её открыть. А за ней темнота, только впереди что-то мерцало. Обернулся, чтобы нащупать выключатель, и не нашёл. На месте двери глухая стена. Пришлось идти на свет. Когда преодолел длинный подземный коридор, очутился у кромки реки. Поднялся на крутой берег и увидел крепость.

Делать нечего, решил идти в город. А сразу же у ворот меня схватили стражники. Один из них был Мумин. Он решил оставить меня у себя помощником по хозяйству. Думал, я – немой. Но день за днём, слово за слово, я стал понимать и говорить на болгарском. Тяжело пришлось, и не только с этим. Лишь счастливый случай помог освободиться от рабского положения.

10. Мумин

– Мумин привёл меня в дом. Пусть я не говорил на болгарском языке, но отдельные слова были похожи на татарские, к тому же по профессии работал с древними документами, поэтому понимал что-то осознанно, что-то интуитивно. Приходилось заниматься физическим трудом, таскать тяжести, участвовать в посевной и уборке урожая, делать запасы на зиму. Продвинутых технологий и машин здесь нет. Лошадь, плуг с мотыгой, руки-ноги – вот и все инструменты, – профессор перевёл

взгляд на присмиривших ребят. – В двенадцатом веке жилось непросто. Суровые условия существования жизни и каждодневная физическая работа.

– Сможем ли мы вернуться? – глухим голосом спросил Роберт, представляя, что и им с Элей придётся остаться в условиях Средневековья не на один год.

– Нужно попытаться снять проклятие, другого пути нет, – ободряюще произнёс профессор. – Вначале мне тоже было сложно. Но будучи историком, разобрался с эпохой и местом довольно быстро. Читать на арабском ещё в детстве меня научила бабушка. Поэтому распознавать слова и речь начал быстро. Через полтора года у Мумина заболели младшие дети: кашляли, несколько дней лежали с температурой. Мать их, Масира, уже не надеялась на выздоровление. Мумин приглашал Утче каждый день. Тот готовил настои из трав. Но улучшения не случилось. Тогда я заварил сушёную калину и дал бедняжкам питьё вместе с мёдом. И так несколько раз. Через два дня ребятки встали на ноги. А через неделю уже снова бегали.

– Калина – это ягода? – Эля что-то смутно припоминала.

– Да, природный антибиотик и кладезь витаминов. Моя Альфия собирала в сентябре на даче и сушила, иногда делала джем, зимой с таким пить чай – сплошное удовольствие и польза. – На лице Даата мелькнула тень светлой грусти. – Мумин после выздоровления детей позволил мне жить в старом доме. На работу стал приглашать по желанию. Даже коня давал по надобности. Сблизились мы с ним, стали разговаривать по душам. И недавно в один из весенних дней он открылся, что Утче предсказывал моё появление и просил уберечь, взять к себе в дом. А во время болезни детей травник сказал: «Мактуб уже близко. Освободи Даата. У него впереди тяжелая миссия. Придут ещё двое. Пусть ждёт их каждый вечер у крепостной стены и уведёт к себе. По-

могай им, в твоём предназначении есть служение высшей воле providения».

– Профессор, так вы нас ждали вчера? Невероятно! – Роберт присвистнул. – Тут серьёзный исторический замес. Если честно, то страшно, вдруг не сможем проклятые победить.

– Выбора у нас всё равно нет, правильно? – Эля искала поддержки у профессора.

– Видимо, нет. Некая сила уже запустила механизм, и нам действия этой машины не избежать. Но можем взять руль в руки и поехать в нужном направлении. – Даат поднял указательный палец, как всегда делал, когда хотел донести до студентов основную мысль.

– И как задать дорогу машине? – Роберт внял пальцу и прочувствовал метафору.

– Давайте искать зацепки. Например, Мумин. Его недавно перевели в дворцовую стражу и назначили начальником караула. Тем более, он в нашей истории – одно из звеньев событий. Какие ещё есть варианты? – задался вопросом Даат.

За окном давно стемнело. Город погрузился в привычную для этого времени сумеречную дремоту. Привыкшие к освещённым улицам и звукам большого города подростки из будущего ощущали некоторую пустоту. Пространство без шума автомобилей, электрического света и неоновой рекламы казалось слишком мрачным, тихим и пугающим. Масляные лампы тускло озаряли комнату, в которой трое искали выход из двенадцатого века в двадцать первый.

– Нужно попробовать гипотезу с Мумином, – наконец произнёс Даат. – А дальше – по обстановке.

– Подвески должны нас найти или отправить в нужном направлении, – припомнила Эля слова травника.

– Но ты ведь пока не можешь ходить, ступни не зажили, – вспомнил Роберт о её босоном кроссе по улицам Булгара.

– Элю пока оставим дома. А сами пойдём во дворец, – начал профессор.

– Не буду одна сидеть, хочу с вами отправиться, – отрезала Элька.

Отставать от своих она не собиралась, боязно казалось находиться в избе без Даата и Роба.

– Как пожелаешь, но потом не хныкать, – согласился историк и продолжил: – Так вот, знаю, что завтра старший сын Мумина идёт на отбор претендентов в охрану главного визиря. Роберт, тебе тоже нужно там быть. Проведать обстановку, понаблюдать и попробовать пройти испытание. Пусть не говоришь на болгарском, но к отбору допускают любого, главное – ловкость и выносливость. Я буду рядом, сойдёшь за моего племянника. Отпускать тебя одного опасно.

Глаза Роберта округлились, он мотнул головой, показывая о неготовности так быстро влиться в местный уклад. Быть наблюдателем, куда ни шло, но погружаться в кипящую лаву исторических событий, да ещё и тысячелетней давности – это требовало моральной подготовки.

– Роберт, ты наверняка занимался спортом. Посмотришь, как другие будут проходить отбор. Понимаю, что не держал оружия до сегодняшнего дня, но утром старший сын Мумина, Байсар, покажет основные приёмы. Болгарские сабли лёгкие, это не тяжёлые мечи европейских рыцарей и славянских воинов. Даже если не справишься, ничего страшного. Будем искать возможности дальше.

Слова профессора хоть и настраивали на позитивный лад, но к горлу подростка уже подкатила тревожная тошнота, а сердце забилося чаще обычного.

– Баскетболом занимался в последние годы, но это же не бокс, не борьба. Было карате, но давно, – начал перечислять Роберт список спортивных увлечений. – Иногда с друзьями на роликах катаемся.

– Кто же мог знать, что ролики не

пригодятся, а вот карате – самое то. – Эля одобрительно похлопала в ладоши. – Научишь местных новым приёмам. Слушайте, а это тема! Совместить прошлое и будущее боевых искусств.

– И откуда у тебя, Эля, креативное мышление? – подивился Даат.

– От папы и бабушки, наверное. Они всегда говорят, что нужно искать новизну, на ней всё держится.

– В чём-то они, конечно, правы, – согласился профессор. – Твоё предложение мне нравится. Роберт, покажи завтра всё, на что способен. Ведь без этого наше возвращение может затянуться. Если других идей нет, пожалуй, надо ложиться спать, – закончил историк, но тут же спохватился. – Хотел сказать главное. Нам нужно держаться вместе. Ради безопасности и общего дела. И ещё: я хорошо понимаю ваши эмоции. Сложно находиться в чужом времени. Знаю, что скучаете по родным и по дому. Но опустить руки означает забыть о возвращении.

Подростки согласились. Внутри каждого боролись неуверенность в благополучном исходе завтрашнего испытания и острое желание вернуться к обычным занятиям. В нынешней ситуации любое действие в правильном векторе могло отбросить их обратно в двадцать первый век. Совсем недавно жизнь им казалась вязкой и утомительной, надоевшая школа, наседающие родители, нелепые требования со всех сторон. Но Средневековье предстало ещё более сложной реальностью.

На ночь путешественники во времени расположились по той же схеме, что и накануне. Даат уснул сразу, сказывалась эмоциональность дня. Эля засопела второй. Один Роберт ёрзал под овечьим тулупом и не мог погрузиться в сон. Невероятным казалось всё вокруг: обстановка, люди, события. Ещё два дня назад он не поверил бы тому, что перенесётся в другое тысячелетие, где нужно привыкать жить без

привычных вещей и удобств. Одежда казалась неудобной и кололась. Еда не вызывала восторга. Тайны заморочили голову. В качестве аттракциона на денёк сюда можно переместиться, но жить по-серьёзному, тем более записываться в воины, – это уже слишком. «Родители наверняка узнали о моём исчезновении. Представляю себе их бурную реакцию». С этой тревожной мыслью Роберт провалился в сон.

11. Необычный спор

За окном спорили. Несколько странных голосов обсуждали Роберта.

– Да куда ему? Он же хлипкий американский переросток, – быстро прочитал один из собеседников.

– Люди не рождаются готовыми ко всему. Им постоянно нужно расти, в плане опыта, конечно, – скороговоркой твитнул в ответ второй.

– Ха! Сейчас умру от смеха, – раздалось залиvistое ржание. – Вы тут собрались, чтобы человека поддержать, или чтобы друг друга перещебетать?

– Мы ж видим, что ему страшно. Тут нешуточные дела разворачиваются, – тараторил первый звонкий щебетун.

– Да-да! Придётся в руки настоящее оружие брать и сражаться. А у него из спорта, сам проронил, только баскетбол, – перебил второй быстрый говорун первого.

– А как же диковинное карате? Девочка, вроде, на него рассчитывает...

– Вставай, – Эля осторожно тронула Роберта за руку. – Завтрак готов. Сегодня овсяная каша на молоке. Даат приготовил в печке.

– А, так это печка скрипела... – Одной ногой подросток ещё стоял в сонном царстве, а второй уже открывал дверь в новый день. Непростой. Ответственный.

– Да проснись же, – настойчиво

жужжала над ухом Эля. – Прикинь, у меня ступни зажили за ночь.

Парень сполз с полатей. Потряс головой и скинул остатки странного сна. Потянулся: «Представляю себя героем виртуальной игры. Кто ещё может похвастаться настоящим боем в средневековой обстановке?»

Роб устроился на топчане, на котором уже ждал завтрак, состоящий из каши, свежего хлеба и кувшинчика кислых сливок. За едой не говорили о предстоящем.

Соседский парень постучал в окно, и Роберт вышел к нему навстречу. У крыльца на привязи топтался конь профессора. Он подошёл и боднул парня мордой, сначала в руку, а потом в спину. Роберт обернулся, потрепал скакуна за гриву и шепнул: «Спасибо».

Старший сын Мумина – Байсар – приветственно потряс оружием и протянул ровеснику из двадцать первого века мешок с обмундированием.

– Иду! – Роберт направился к нему, разминая на ходу руки. Он ещё чувствовал дрожь в солнечном сплетении, но предстоящие события уже не казались опасными. Появилось стойкое ощущение, что отбор пройдёт удачно.

12. Отбор

– Наша очередь, – жестом сказал Байсар, подталкивая Роберта вперёд.

Юноша вышел в центр широкой площадки, где перед этим попарно сражались другие претенденты в отряд виэри. Испытание проходили молодые мужчины разного возраста и комплекции. Тактика боя тоже отличалась разнообразием. Кто-то активно орудовал саблями и теснил противника напором. Другие брали мощью и спокойными размеренными движениями. Одновременно на площадке бились пять пар.

«Только бы не пролететь с этим отбором». – От напряжения Роберт сжимал и разжимал пальцами левой руки

черенок сабли на поясе, мысленно вспоминая приёмы, что разучивал этим утром.

После завтрака соседский Байсар облачил его в лёгкое обмундирование. На ноги и руки пристегнул защиту из толстой бычьей кожи, на тело поверх рубахи накинул короткий стёганный халат, дальше приладил пластинчатую кольчугу. Переплетённые между собой железные чешуйки при энергичных движениях издавали тихое металлическое бряцание. На голову сначала надел мягкую войлочную шапочку, после – лёгкий железный шлем. Ногам достались коричневые сапоги. Перевоплощение в воина закончилось поясом из дублёной кожи.

Эля, увидев преобразование друга, приснула:

– Ты как Алёша Попович!

– Как в мульте? – вспомнил Роберт.

– Тут уж считай, как тебе хочется.

Можешь, как в мульте, комедию играть, а можешь, как на картине Васнецова «Три богатыря», силой и мудростью удивлять, – блеснула знаниями девочка.

– Не представляю себе, как можно в этом долго ходить, скакать и сражаться? В шлеме неудобно смотреть и дышать, – пожаловался её дружок, встряхивая руками и ногами и покачивая головой.

– Придётся потерпеть. Все ради твоей защиты. Воинское ремесло – мероприятие опасное, – пояснил историк.

После приготовлений Байсар вложил в руки новичка в ратном деле лёгкую саблю. Показал основные удары, их направление. Дальше встали в тренировочный бой. Наставник постоянно повторял через Даата, чтобы Роберт не боялся ударов, ловко уклонялся и маневрировал по площадке. Опытный товарищ погонял новичка до пота и усталости.

– Парню – шестнадцать, а машет оружием как настоящий каскадёр, – хвалила Байсара Элька. – А наш-то,

конечно, вялый и деревянный. Профессор, стоит ему идти на отбор к визирю?

– Мы вчера уже решили. Байсар сам встанет с ним в бой в качестве противника. Но только другу не говори. Пусть настраивается на серьёзную задачу.

После обеда и короткого отдыха трое подростков с Даатом во главе отправились за крепостную стену на открытое поле, где уже собралось внушительное количество претендентов попытать себя на место воина в охране визиря.

Руководил процессом один из алып* городского войска. Помогали ему наёмники, они осматривали каждого желающего поучаствовать в боях, делили на десятки, вешали на шею глиняный круг с нацарапанным номером.

Роберту досталась табличка с номером 45, Байсару – 46. Удачно получилось, что схватка им предстояла друг против друга. Каждая десятка ждала своего часа. Пока одни показывали боевое мастерство, другие наблюдали, кричали слова поддержки или освистывали за неуважение к противнику. Кто-то волновался и нервно вышагивал вокруг площадки для сражений. А кто-то спокойно и даже свысока взирал на суету, не сомневаясь в своей победе. Даат с Элей стояли поодаль, близко подходить к вооружённой толпе мирным наблюдателям запретили наёмники.

Сорок молодцов опробовали свои силы и уже отдыхали, примкнув к остальным зрителям. Протрубили новый раунд. Парни из пятого десятка разошлись по парам и приготовили оружие. Роберт встал напротив Байсара. Но вместо юрких чёрных глаз булгарина увидел грозное лицо тренера по карате, что каждое занятие твердил: «Соберись! Представь себе, что сейчас решается судьба. Кто победит в тебе – хлюпик или богатырь?»

Бой начался. Роберт успевал отбивать удары противника. Вокруг слышался лязг оружия. Несколько минут сражения казались вечностью. Байсар работал за двоих, обманных приёмов не использовал. Один из наёмников заметил, что явного фаворита в их паре нет, и расставил противников в другие двойки.

– Попал! – сплюнул Роберт на землю и глубоко вздохнул. Ему достался высокий светлоглазый парень.

– Али робишь? – надменно подмигнул тот, вставая на исходную позицию. – Из каких буде?

– Из американских, – не растерялся Роберт и подумал: «Русский, что ли?»

– Из каких токих мриканских? На тоби, вражий! – Сокрушительный удар чуть не снёс с ног.

Но Роберт успел широко шагнуть назад, обеими руками схватился за рукоять сабли и отразил нападение. Противник не собирался отступать. Маневрировал, ждал, когда соперник ошибётся.

Жар и волна гнева разнеслись по телу Роберта. Из-под шлема по лицу стекали солёные капли, противно щекотали щёки и застилали глаза. Он попытался отереть пот, но в этот миг клинок противника почти достиг его живота. Дальше Роберт помнил только какую-то неведомую, почти животную, силу, что руководила им. Всё остальное действие произошло в тумане ярости и не отложилось в памяти.

Об окончании схватки рассказали Даат с Элей.

– Ловко ты отпрыгнул в сторону от клинка и неожиданно пнул ногой его в бок! – профессор рассекал конечностями воздух, изображая ход сражения.

– Показал ему искусство стиля журавля или дракона! – радостно хлопала в ладоши Эля и заливисто смеялась.

– Элька, это же из кунг-фу, а в карате такого нет! – хохотал Роберт. – Что дальше, профессор?

– А дальше, как расвирепевший

* Дружинник, богатырь у тюркских народов Поволжья в Средневековье

тигр, ты гонял противника по площадке с криками «ки-йа»! Остальные пары вынуждены были остановиться. Конкурент твой сдался, позорно покинув поле боя, – воодушевлённо частил словами Даат.

– Я... я, – прерывисто дышал Роберт, не веря своей победе. – Сначала испугался, а потом завертелось всё перед глазами. Вспомнил спарринги на карате, ну и ноги сами пустились в бой. А куда делся мой соперник, не вижу среди воинов на поле?

– Застыдился, сел на коня и ускакал, не дождавшись окончания отбора, – объяснил профессор. – Зачем он тебе?

– Да так... Вроде на русском мне вопросы задавал во время схватки. Как его сюда занесло?

– Он вроде из литовских, служил в русском княжестве, языком владеет, теперь решил забраться далеко на восток. Но это обычное дело в Средние века. Много молодцев скитается в поисках службы и лучшей жизни. Границ государств в нашем понимании здесь ещё нет. Вот и пытаются счастье на чужой земле, – объяснил Даат участие наёмника в отборе и подмигнул.

– Сегодня твоему сопернику не повезло, но на то и отбор, чтобы попытаться счастье.

Подбежал Байсар, похлопал парня по спине в знак поздравления и через профессора передал, что их обоих берут в охрану. Через пять дней необходимо выйти на службу. Перед этим нужно приобрести обмундирование и оружие. Он передал Роберту кошель с монетами из казны эмира, которые юноша заслужил во время испытания.

– *You are in army now**! – Эля стала отбивать ладонями и ногами ритм и напевать известную песню.

Она часто слушала с отцом хиты

* «*You are in army now*» – песня нидерландского дуэта братьев Роба и Ферди Болландов, записанная ими в 1981 году. В 1986 году свою версию издала группа *Status Quo*.

его юности, когда они проводили время вместе. Отчасти благодаря совместным интересам, отношения с ним после развода родителей наладились, а заодно расширился музыкальный кругозор.

– Поздравляю! – обнял Даат раскрасневшегося бойца. – Ты сегодня молодец, парень. Горжусь тобой!

– В этих доспехах чувствую себя гладиатором из голливудского фильма, – ошалело улыбался Роберт, снимая шлем, кольчугу, щитки с рук и ног. – А служба в Средневековье зачтётся мне в двадцать первом веке?

– Мальчик мой, время покажет, но я бы сразу дал тебе чин лейтенанта. А теперь прогуляемся по окрестностям. Завтра сегодня будет особенным, – предложил Даат.

И они двинулись в путь, смеясь, вновь и вновь вспоминая подробности схватки Роберта с надменным противником. В эту самую минуту начался союз этих троих. В нём появился жёсткий каркас дружбы, что соединяет людей. Такая дружба помогает расправлять крылья для полёта над обыденностью, неурядицами, подставляет плечо поддержки в случае беды. Если привязанность сердечная, неважно, какой на дворе век.

13. На пристани

День зачисления Роберта в охрану главного визиря закончился на берегу реки. Друзья добрались туда по широкой оживлённой дороге. Нагруженные тюками и бочками повозки, запряжённые лошадьми или осликами, продвигались им навстречу. Попадались и небольшие караваны верблюдов. Приходилось лавировать между этими предшественниками автомобилей.

– Настоящая средневековая пробка, – заметила Эля.

– Торговцы спешат разгрузить товары. Завтра начинается Большой базар, ярмарка по-нашему. Летом перевозки

по земле и воде более безопасны, чем зимой, — объяснил Даат. — Посмотрим, какие нынче суда стоят на пристани. Не забывайте, что мне, историку, нужно собирать материал для исследований.

На пристани толкались люди. Грубая ткань портовой суеты раскрашивалась узорами чужеземных языков. С небольших деревянных кораблей на арбы ловко перемещались мешки, тюки, сундуки, чаны и корчаги*. Корабли, стоявшие на причале, имели разное происхождение, оттого отличались и по виду: одни красовались плавными линиями носа, другие гордились угловатыми. Их белые паруса развевались на летнем ветру. С трапов на землю сходил прибывший из неведомых стран разномастный народ.

— Вон те крепкие мужчины с длинными светлыми волосами и густыми бородами, скорее всего, из северных земель. Скандинавы или славяне. Видите, какие на них шапки? — объяснил ребятам Даат, стремясь запомнить каждую деталь.

— А те низкорослые смуглые, с тонкими бородками? — показала Эля на группу людей в цветных кафтанах и головных уборах в форме небольших колпаков.

— Это степные торговцы. Они поднялись сначала по Волге, потом по Каме. Там, откуда они прибыли, сейчас находятся Волгоград и Саратов. Ага, смотрите, вон китайская делегация. Странно, почему по реке прибыли, должны были сухопутными караванами добираться через Среднюю Азию, — удивился профессор.

— Может, что-то тяжёлое везут? Смотрите, какие огромные сундуки у них, — Роберт указал на несколько повозок, скрипящих от перегрузки.

— Уж не к китайской ли принцессе

намылились? Приданое завозят или вроде того. Хочется ей свою личную жизнь устроить, — съязвила Элька.

— Вполне может быть. Китайцам невыгодно добираться в нашу даль со своим товаром. Скорее всего, ты права, — согласился Даат и продолжил: — В обратный путь после ярмарки купцы пустятся тоже нагруженными, обязательно пополнят запасы, своё продадут, болгарское закупят или же то, что найдут на торжище у иноземцев. Возвратятся домой и начнут готовиться к новой поездке. А археологи потом будут находить предметы из разных точек мира, строить гипотезы и писать толстые книги.

— Скучаете по работе? — Эля заметила грусть на лице профессора.

— А вы разве не хотите побыстрее вернуться к семье, друзьям, привычному ходу времени? — уныло улыбнулся Даат.

— Конечно, хотим, — подтвердил Роберт. — Сильно. Сейчас бы в лагере на ужин пойти, потом на дискотеку. Затем позвонить домой, в Штаты, у них как раз разгар дня, когда танцы заканчиваются. Потом серфить** в Интернете.

— А мне к маме хочется. И к папе.

Эля отвернулась, чтобы незаметно смахнуть слезу, а про себя подумала: «Всё вокруг кажется чужим, неудобным, бестолковым. Судьба отправила меня в древнее время, но как тут выживать — инструкцию не дала. Что будет дальше? Неизвестно».

Каждый погрузился в свои мысли. Профессор жалел, что ссора с Нелей Мунирвной привела к таким катастрофическим последствиям. Он сам виноват. Не сдержался. Взрывной характер. Мог вспыхнуть, если что-то шло не по его желанию. Иногда и жене крепко доставалось. Она спокойно сносила вспышки гнева мужа. Потом всегда извинялся, конечно. Но со своей вспыльчивой натурой ничего поделать не мог.

*Корчага — большой глиняный сосуд с округлыми стенками и двумя ручками у горлышка.

** Серфить (англ.) — просматривать.

Знал бы, что жизнь закинет в Средневековье из-за брошенных в приступе злости слов, сразу бы прервал разговор и покинул кабинет музейного директора. Но ничего уже не вернуть. Мудрые мысли всегда хороши задним числом.

Роберт разглядывал прибывающие к берегу иностранные суда и размышлял о причинах, которые влекут их сюда, в неизведанный край. Мать тоже вот так же уехала на другой конец Земли, чтобы начать новую жизнь. Счастлива ли она? Возможно, да. Но иногда в глазах мелькала тоска. Как будто не на своём месте она в Калифорнии. Самому Роберту было безразлично, в какой стране жить. Больше волновало будущее, тревожили задумки отца и его решения, принятые без оглядки на его мнение. Даже избежать последствий проклятия есть шанс, а изменить волю родителя вряд ли возможно. Если у него засело в голове отправить отпрыска учиться на экономиста или юриста, никакие волшебные заклинания не смогут помочь.

Эля совсем сникла, её накрыло чувство беспомощности. Последний раз она чувствовала себя такой потерянной после развода родителей. Бабушка Берта тогда обмолвилась: «Элеонора, детка, теперь ты будешь жить с мамой. А мы с папой и без вас отлично устроимся». Эля с раннего возраста научилась сносить бабушкины колкости, но никак не могла понять, за что та третирует её, единственную внучку? Ведь не чужая женщина, а родная бабушка. Мама пыталась задобрить дочку то новой игрушкой, то яркими платьями, то диковинными сладостями. Эльку не радовало ничего. Через пару месяцев настроение постепенно наладилось, она свыклась и приняла действительность. Но к тому времени Эля просто отпустила мечты о воссоединении родителей.

В молчании троица добралась до конца пристани. Впереди раскинулся бескрайний горизонт воды. Речные волны сверкали в лучах низкого солнца. Оранжевый диск в малиновой

мантии уходил с небосвода, словно актёр со сцены. Но через зефирно-лёгкие облака всё ещё одаривал теплом и светом.

— А ведь такие же закаты мы встречали в лагере на этом самом берегу. Правда, Элька? — Роберт вернулся из внутренних переживаний в средневековую реальность.

— Ага! С тех пор, вернее, с этих пор ничего тут глобально не изменилось, — подтвердила девочка, раскидывая руки, словно в полёте. — Воспарить бы над рекой и городом. Посмотреть на них сверху. Квадрокоптер не мешал бы.

— Радует, что хоть что-то в мире стабильно уже не одну тысячу лет. А против технологий ничего не имею, археологи их тоже любят, — улыбнулся Даат. — Пойдёмте обратно. Завтра новый день с его чудесами и приключениями. Нам нужен отдых, особенно мне. С вами темп жизни ускорился невероятно.

14. Большой базар

Про чудеса и приключения профессор угадал, словно в хрустальный шар подглядел.

День начался обыденно. Подъём. Завтрак. Сборы. Нужно было решить частную задачу — покупка обмундирования — и общую — базар посмотреть. Большие ярмарки проводились несколько раз в год. Но летняя — самая грандиозная. В Булгар привозили диковинные товары даже из отдалённых уголков. Профессор радовался предстоящему событию как ребёнок. Мурлыкал песни себе под нос и не догадывался, что через несколько часов они встретятся с обитателями дворца.

Троица выдвинулась в центр около девяти. В городе ощущалось праздничное волнение. «Так бывает перед Новым годом или днём рождения, когда воспринимаешь всё через особую призму надежды», — подумалось Робер-

ту. «Так бывает, когда предвкушаешь долгожданную встречу», – пронеслось в голове Эли.

До главной площади, где развернули базар, дошли за полчаса. Людской поток усилился на подходе, встречая на пути сопротивление стен белокаменных и кирпичных домов. Профессор с ребятами терпеливо плыли в человеческом море, попутно наблюдая за предъярмарочной кутерьмой. Толпа выдавливалась из узких улочек, что выходили к базарному майдану, попадая в пространство рыночных чудес.

Даат крепче сжал руки ребят – чужие локти так и норовили растащить их в разные стороны. Толкотня среди горожан и гостей закончилась, и перед тройцей предстали купеческие лавки и разноцветные прилавки.

Ярмарка гомонила. Шумела разноголосьем десятков языков. Распростёрла торговые ряды, словно объятия гостеприимного хозяина. Одни купцы бойко нахваливали товар. Другие зазывали медовыми речами. Третьи приглашали опробовать и пощупать изделия. Если попадешь к ним в руки, без покупок не уйти. Глаза, уши, нос, да что там, всё тело уже плясало под дудочку умелых продавцов.

– Базар – дело тонкое, – Даат заметил одуревшие лица подростков и поспешил вернуть их из мира грёз в реальное настоящее. – Тут нужно держать радар бдительности во включённом состоянии. Хитрые дельцы могут вас легко облапошить.

– Сначала прогуляемся или сразу будем покупать мне... это, как там? – Роберт рассредоточился и забыл слово, из-за того что усиленно крутил головой, осматривая пёстрые товары.

– Обмундирование. Не будем терять время и совместим экскурсию с делом, – решил историк.

Торговое пространство было устроено чётко и разумно, чтобы никто не затерялся в переплетениях лабиринтов лавок. Ряды делились между раз-

нотипными товарами. Гончары соседствовали с кузнецами-оружейниками. Стекольные мастера – с ювелирами. Все пытались восхитить покупателя: ценой, качеством, размером или формой. Азарт торговли юрким змеем заглядывал во все закоулки рыночной площади, в каждую лавку, проникаясь запахами специй, фруктов, трав, духов, кожи, горячих лепёшек. Эта гремучая, сладостно-пряная смесь щекотала носы, заманивала обещаниями удовольствий и развязывала кошель даже самых прижимистых покупателей.

– Привыкли к ярмарочной карусели? – Даат за руки вёл ребят через толпу к нужному им ряду с оружием.

– Вроде, – отозвался Роберт, глаза на торговую круговерть.

– Шум и яркие вкусы-запахи тут поражают. Мне нравится такой движ! – воскликнула Эля и снова вернулась к рассматриванию удивительных изделий гончаров.

На прилавках красовались приземисто-пузатые и длинно-тощие сосуды с ручками в форме звериных голов. Недорогие, без орнаментов и изысков и роскошные, созданные искусными мастерами. Блюда, политые зелёной, лазурной, кобальтовой глазурью блистали на солнце. Раздутые корчаги для жидкостей и зерна смиренно ожидали будущих хозяев.

– О, глиняное экологическое производство! И никакого тебе пластика, – радовалась Эля. – А стеклянные вещи волшебные, словно из мультиков про магов и колдунов.

– По этим временам стекло высоко ценится. Технология изготовления требует большого мастерства. Хрупкие сосуды и оконные стёкла по карману только богатым, – объяснил профессор.

– Давайте уже обмундирование посмотрим. – Роберт потянул обоих в сторону сверкающих клинков, копий, шлемов и прочих военных атрибутов эпохи.

– Как будто не ты ещё вчера трясу-

щимися руками впервые в жизни держал настоящую саблю, – присвистнул Даат. – А сегодня ведёшь себя азартным профессиональным воякой.

– Мне на самом деле не терпится выбрать оружие и ощутить новое состояние, – пояснил юноша на подходе к нужным лавкам.

В ряду оружейников металлическими гранями гордо блестели мечи, сабли, кинжалы: булатные из далёкой Индии, дамасской стали – из Персии. Это было не просто оружие, а предметы роскоши, которые положено демонстрировать на парадах и приёмах. Мастера знали, как украсить свои творения, чтобы их захотелось купить: изысканно чернили, причудливо чеканили, украшали драгоценными и полудрагоценными камнями.

– Смотри, Роберт, тебе показывают прекрасные клинки. Ай-яй, какая тонкая работа, – восхищённо прицокнул Даат и начал переводить слова торговца: «Нигде такого не сыскать. Лёгкие. Острые. Упругие».

– Профессор, если бы ещё понимать в них что-то, – пожал плечами юноша, – такие сабли, должно быть, кучу бабок стоят.

– Даат, вы решили все деньги на оружие истратить? – шепнула Элька профессору.

– Нужно пустить пыль в глаза средневековым воротилам, – подмигнул он Эльке. – Сейчас пощупаем товар и пойдём искать известного вам Чукира, у него клинки не хуже.

Чукир стоял в кузнечном ряду и порадовался, что они подошли к нему. С Даатом они общались уже год. Профессор ходил в его мастерскую и наблюдал за процессом плавления металла иковки изделий. Научный интерес двигал историком на протяжении всего периода пребывания в прошлом. А такой возможностью истинные исследователи не разбрасываются.

Долго примерялся Роберт к саблям. То форма рукояти неудобная, то лезвие длинное, то вес тяжеловат. Наконец,

остановился на клинке с основанием, украшенном костяными накладками. Рукоять не мешала при ходьбе и удобно ложилась в ладонь. Потом выбрали кожаный пояс для сабли, защитный доспех для тела с металлическими пластинами и щитки на голени и предплечья. Даат смотрел на юношу и цокал языком:

– Настоящий джигит! Вот как одежда и оружие человека внешне преобразуются. Хотя людское нутро в любой век, в сущности, одинаковое.

– Я это заметила, – согласилась Эля, закивав головой.

– Даат, монетами или цельным серебром будет оплата? – прервал разговор троицы Чукир.

– Деньгами, – отозвался Даат.

– Почему он спрашивает? – поинтересовался Роберт.

– Потому что рассчитываться можно ещё и серебряными или золотыми слитками. Видишь маленькие весы и гири? На них отмеряют стоимость драгоценных металлов и обменивают на товар. Можно и мехом отдавать, но так в основном торговцы с севера делают. Теперь, когда со сборами на службу закончили, продолжим прогуливаться по базару.

Следующий рыночный ряд предлагал специи, что ценились в двенадцатом веке намного дороже золота. Жёлтые, оранжевые, красные, зелёные холмики горделиво возвышались на столах яркими пирамидками. В дымке аппетитных запахов шла бойкая торговля. Покупатели толпились у каждой лавки, с неугомонным удовольствием спорили о вкусах любимых приправ. Ловкие руки продавцов привычными движениями отщипывали, взвешивали и обменивали на монеты крошечные порции драгоценных пряностей.

– Нечистые на руки коробейники тайком смешивают специи с мукой. Поэтому лучше обращаться к проверенным торговцам или покупать на пробу, – осторожно объяснял Даат.

– Почему их никто не ловит? – изумлённо приподнял бровь Роберт.

– Наверное, потому что невозможно проверить? – предположила Элька.

– Химических способов ещё не придумали. Можно развести дорогой продукт водой. Мука намокнет и осядет быстрее. Но такой способ подходит богачам. Хотя и пройдохи знают меру, сильно не нагледят. Иначе в следующий раз не смогут продать товар.

Дальше во всём своём великолепии предстал ювелирный ряд. Украшения искрились, переливаясь на солнце. Крупные бляхи* для лошадиных сбруй, накладки на ремни, изящные хаситэ**, звонкие накосники***, серьги и перстни манили, кокетливо играли с каждым лучиком света. Эля, обычно скептически настроенная в отношении девчачьих побрякушек, бегала от одного торговца к другому, таращила глаза и постоянно дёргала Даата за рукав, показывая пальчиком на изделия тонкой работы:

– И это всё носят каждый день? Они же такие огромные и тяжёлые! Наверное, от них у женщин голова болит. От одного вида уже дурно. – Девочка стянула надоевшее покрывало на шею. С непривычки тяжело было ходить с укутанной головой в жаркий день.

– Украшения используют как обереги, амулеты. Ими подчёркивают статус владельца, – объяснил Даат.

– Для мужчин сплошное разорение. Вон, сколько берут для себя, а ещё и для коня, и для жены. – Роберт ходил от одного купца к другому и присвистывал.

* Бляхи – круглые металлические изделия размером до 4–5 см, которыми обшивались седла, ремни и другие части конской упряжи.

** Хаситэ – украшение из металла (серебро, золото, медь, железо) в виде обруча, которое носили на шее.

*** Накосники – девичье украшение, вплетавшееся в косу при помощи шнура между прядями волос.

На середине ряда профессор подзывал ребят и шепнул:

– Смотрите, во-о-он тот торговец, видите, незаметно весы придерживает. Хитрый жук! – И указал кивком головы на низкорослого купца с масляными глазками.

– Вот обманщик! – возмутилась Эля.

– Все ищут свою выгоду.

А внимание Роба переключилось на девушку в синем плаще в соседнем ряду. Голова покрыта капюшоном, лицо скрыто лёгкой вуалью. Сопровождали её трое юношей, одетых с бросающейся в глаза роскошью. На широком поясе каждого висел кинжал в драгоценных ножнах. Роберт заметил блеснувшие на солнце знакомые подвески.

– Она тут! – парень схватил Даата и Элю за руки, чтобы повернуть в сторону той, из-за кого они очутились в прошлом.

– Любопытно. – Профессор посмотрел в указанном направлении и задумался. – Интересно, что привело её сюда? И что за молодцы рядом с ней?

Айсун, сопровождаемая свитой, подошла к обманщику-торговцу, стала разглядывать ювелирные вещицы и прицениваться. Троица всё ближе подбиралась к прелестной болгарке. Выбрав перстень с бирюзой, дочь эмира собралась оплатить покупку. Купец важно положил кольцо на весы и стал перебирать гири для определения цены.

– Вот гнус! Снова обманывает. – Элька подлетела к лавке нечестного торговца и пальцем указала покупателям на то, как купец пальцем придерживал чашу весов. Мошенник подпрыгнул от неожиданности, а свита княжны мгновенно схватилась за оружие.

Подбежал Даат и начал успокаивать участников щекотливой ситуации. Внимательные глаза взглянули на него из-под вуали, затем строгий девичий голос произнёс:

– Брат Ибрагим, передай визирю

Яману, чтобы тщательно проверял каждого торговца. Обманщикам в Булгаре не место. Эту лавку сейчас же закрыть. – Айсун повернулась к профессору, как только молодые люди принялись за выполнение приказа. – Хотела купить подарки дорогим людям, а тут такое разочарование. Благодарю за бдительность. Кто вы и откуда?

– Меня зовут Даат, а это Роберт и Эля, мои племянники. Они не говорят на болгарском, приехали издалека. Роберта взяли в охрану главного визиря. Присматриваю за этими ребятами. – Профессор не успел договорить, как дочь эмира указала на Элю:

– Пусть она придёт во дворец через три дня. Вижу, девочка смелая и честная. Мне нужны верные помощники. А языку научится, – она посмотрела в Элькины расширившиеся от удивления глаза и улыбнулась. – Как прелестны эти зелёные очи и пепельные локоны. Красота в сочетании со смелостью и справедливостью – это благородно.

– Простите, госпожа, мы не ошибаемся, перед нами дочь эмира? – почтительно спросил профессор.

– Да. Я – Айсун, дочь эмира Бахрама. А это мои младшие братья – Ибрагим-бек, Салим-бек и Талиб-бек. Одной мне выходить в город нельзя. Но пропустить большой базар с его чудесами и страстями не могла. Отец всегда брал с собой, чтобы показать диковинки из разных мест. В этом году пришла без него.

– Сожалею, что эмир Бахрам пропал в походе, – Даат сочувственно сложил руки на груди в знак уважения.

Роберт с Элей следили за разговором и терпеливо ждали его окончания. Они даже начали понимать смысл отдельных слов. Профессор сказал им о приглашении Айсун и спросил у Эли:

– Пойдёшь помощницей к дочери эмира? Это ещё один шанс вернуться. Решайся.

– Хорошо. – Элька даже изобразила

поклон, но не очень ловко получилось. А про себя подумала: «Интересно, что бы сказал папа? Наверно, завёл бы своё вечное “что за бессмысленность, что за глупость”. А вот бабушка выдала бы: “Далеко пойдёшь, но тебе точно туда надо”? Так вот, милая Берта, мне туда надо, как никогда ещё никуда не надо было».

Айсун кивнула и вместе с братьями пошла дальше, к следующим рядам.

– Надо же, без резюме и поиска в Интернете нашли себе работу, – вывел Роберт спутников из раздумий. – *That's cool!**

– Опять английский. Пора вам местный язык освоить хотя бы на бытовом уровне, – вздохнул Даат, осознавая всю тяжесть их ситуации. – На службе без него придётся туго. И у нас на это три дня.

15. Пикник

В последующие три дня в городе кипел базар, подбрасывая любителям почесать языками новые поводы для разговоров. Запасы торговцев таяли, зато кошельки и мешочки пополнялись звонкой монетой и драгоценными металлами. Многие представители сторон обмена остались довольны. Покупатели – приобретениями. Продавцы – прибылью. Горожане насладились событием, приезжие подивились грандиозности ярмарки. Главный визирь с удовольствием подсчитывал поступление торговых пошлин в казну. А кто оказался обманут ожиданиями, мог обратиться с жалобой во дворец или к специальному судье за решением проблемы.

Но наши герои получили от базара даже больше, чем желали – нашли работу для Эли, а значит, ещё один шанс разгадать тайну подвесок. И в оставшиеся дни, пока они не отправились на

* *That's cool* (англ.) – класс.

службу, ребята грызли средневековый гранит науки — изучали язык. Профессор полностью перешёл на болгарский. Не понимаешь? Твои проблемы. Никто не будет нянчиться во дворце с безъязыким. Удачно сложившуюся ситуацию нужно было использовать в полной мере. На кону — возвращение домой в свою эпоху. Да и с врагами объясняться лучше в одном лингвистическом пространстве. В существовании недругов в эмирских хоробах Даат был уверен, о чём постоянно напоминал подросткам.

— Не в компьютерные игрушки рубимся, — усмехался профессор в ус, когда умы ребят плавилась от древних слов. — Жизнь-то посложнее будет.

К вечеру молодёжь не выдержала:

— Даат, может на речку? — взмолился Роберт, — Давайте сделаем передышку. Что за тотальное погружение в языковые дебри?

Эля усиленно закивала, выражая солидарность с товарищем по учёбе.

— Хорошо, завтра устроим вылазку на берег реки, но с условием. На месте продолжим общаться по-болгарски, — вздохнул профессор, уже порядком уставший повторять по несколько раз одни и те же слова. — Соседских детей тоже возьмём, может, с ними процесс быстрее пойдёт.

Сыновей и дочь Мумин держал в строгости, поэтому сначала не согласился на предложение Даата:

— В моем роду лодырей не было. Что значит отдых, если не безделье? Дел в хозяйстве невпроворот, простой одного дня летом сулит голод зимой.

— Всего полдня, Мумин. Прошу тебя. Нужно помочь моим сорванцам освоить болгарскую речь. Скоро на службу во дворец идти, а они с трудом понимают даже самые простые слова. Твои ребята могли бы мне подсказать в этом деле. Одному не справиться, — нашёл рациональные доводы профессор, и сосед со скрипом сдался, вспомнив, что жизнью детей обязан чужестранцу.

Предстоящий отдых Роберт с Элей

решили совместить с пикником на берегу реки. Как только подростки заикнулись про идею, их ровесники попросили объяснить, что означает слово «пикник». Но дело оказалось сложным.

— Это э-э-э... — Роберт почесал кудри на затылке в поисках слов.

— Это, когда идёшь в красивое место за город, в лес или на озеро, — подсказал Даат.

— Берёшь еду, напитки и приятно проводишь свободное время, — добавила Эля, воспользовавшись переводом профессора.

— Что такое «свободное время»? — Байсар недоумённо посмотрел на братьев.

— Отдых, ничегонеделание. Можно спортом заниматься, просто гулять... Хотя как описать точно, не знаю, — скептически развёл руками Роберт.

Историк пришёл на подмогу и донёс значение слов на болгарском до соседских детей.

К пикнику компания подготовилась. С собой взяли льняные циновки, в корзины положили хлеб, сыр, вяленое мясо, варёные яйца, зелёный лук, фрукты, что купили на базаре. Роберт с Элей даже купальные костюмы из рюкзаков достали, чего лету зря пропадать.

По дороге забрели в земляничные места. Ягода только пошла, наливалась соком и вкусом. Тугая и сочная, сама просилась в руки, заодно мелькая красными каплями среди высокой травы. Большая компания отдыхающих разделилась. Байсар с братьями и сестрой отправились на речку. В урожайную пору каждый день кто-то из них бегал с корзинами в луга для сбора ярких даров лета. А вот на речку просто так спускаться родители не разрешали. Профессор же с воспитанниками решили задержаться на пестреющей поляне.

— Никогда бы не подумала, что собирать землянику и тут же лопать — это так классно! — Эля разлеглась на зелёном покрывале травы.

Стрекотали кузнечики, жужжали осы и оводы, собирали нектар пчелы. Июньское солнце распалило жару.

– Ты, наверное, варенье из неё не пробовала? – отозвался Даат.

– Ну почему же? Было дело, на рынке покупали с мамой, – улыбнулась девочка.

– А я совсем не помню вкуса этой ягоды. Но она нереальная. Может, мы просто по сладостям соскучились? Несколько дней уже ни колы, ни мороженого, даже шоколада нет, сплошное правильное питание, – скривился Роберт.

– Шоколад приедет в Россию только в семнадцатом веке, а плитки начнут производить в девятнадцатом. Что-то жарко сегодня. – Даат надел на голову снятую до того круглую шапочку, опасаясь солнечного удара, и продолжил собирать ароматные съедобные бусины среди травы.

– А фастфуд и снеки* ещё дольше ждать придётся. Скучно тут дело обстоит с едой, – заключил парень.

– А вяленое мясо чем тебе не снэк, а? Удобный способ сохранить продукт. Не портится, можно брать с собой в поездки, и главное – без ущерба организму.

– Ну, ок, соглашусь. Но из сладкого здесь только мёд и фрукты. Скучно и мало. – Роберт никогда в своей жизни ещё не ел ягоду с таким удовольствием, игриво закидывая землянички за щеку и ощущая вкус каждой молекулы на языке.

– Мороженое бы сюда. Засыпать ягодами и ждать, когда подтаит, а потом ощутить нежную сливочность и маленькие зёрнышки на языке, – размышляла Элька.

– Да ты гурман, – рассмеялся Даат.

Пока профессор с Робертом и Элей собирали луговую ягоду, на речном берегу Байсар с братьями развели огонь, устроили из камней очаг, закинули сети,

взятые из дома. Подростки и дети двенадцатого века не умели отдыхать, поэтому занимались делом, как обычно водилось среди их современников.

– Байсар, ты молодец, спасибо, что сообразил про огонь и рыбалку, – поблагодарил Даат, когда ягодная поляна осталась позади.

Роберт с Элей расстелили циновки на песке и убежали в кусты, мальчики – налево, девочки – направо, откуда вышли переодетыми в купальные костюмы и улеглись загорать. Байсар с братьями Бардуном и Бадаром, покраснев, хором ахнули и отвернулись, они почувствовали странное волнение, охватившее их. Сестрёнка Надима закрыла лицо.

– Простите моих ребят, – поспешил объяснить Даат. – В наших местах так делать нормально. И никто не считает это постыдным.

– Ой, простите, мы не хотели обидеть вас. – Элька прикрылась платьем. – Но жара стоит такая, что приходится раздеваться. А у вас, видимо, не загорают?

– Что такое загорать? – спросил Байсар, выслушав перевод Даата.

– Лежать на солнце и ждать, когда почернееешь, – Роберт показал на разницу между бронзовой кожей предплечий и бледной на груди.

– Для чего загорать? У нас раздеваться на людях нельзя.

Байсар никак не мог понять смысл нахождения под солнцем почти голышом.

– Понимаешь, у нас считается красиво, когда кожа становится тёмной. Для этого зимой даже ездят специально на юг. – Роберт поискал глазами поддержки у Эли.

– Ага, от солнца вырабатывается витамин Д, – начала было Эля, но тут же закатила глаза и вздохнула: – Теперь ещё и про витамины объяснять.

Троица рассмеялась. Четверо булгарцев присоединились.

– Много в нас разного, но смех объединяет всех. – Профессор был дово-

* Снеки (англ. – snack) – лёгкая закуска.

лен, что ребята нашли между собой общий язык и даже говорили теперь на одном. Трудно, медленно, с ошибками, но говорили. Даат смотрел на шумную компанию и удивлялся, как дети двадцать первого века и двенадцатого похожи в своих юношеских проявлениях, но отличаются трудовым опытом и образом жизни.

В сети попалась рыба, Байсар и Бардун ловко почистили её и, завернув в лопухи, положили на камни в очаге.

Элька с Надимой плескались в тёплых водах Камы. Булгарская девочка осмелилась обнажить ноги, переодевшись в длинную рубаху старшего брата. Байсар одолжил. Роберт учил самого младшего соседа – Бадара – бросать камушки:

– Смотри, находишь вот такой плоский блин, – он подхватил подходящую овальную гальку. – Держишь двумя пальцами и запускаешь почти горизонтально к воде. Раз, два, три! Видишь, скатчет по поверхности, как лягушка.

Бадар оказался смывшён и уже через четыре попытки смог добиться шустрых прыжков кругляшей по глади реки, вскидывая руки и выкрикивая «йес!» вместе со своим наставником. Это было первое английское слово, выученное простым булгарцем.

– Вот это, я понимаю, свобода, – Элька глядела на новых знакомых и вспоминала, что примерно так и отдыхала летом на даче с бабулей. А тут даже Берты нет. Полная воля.

Разговоры про каникулы, школу, отдых не умолкали всё оставшееся время до вечера. Роберт с Элей успевали посвящать детей Мумина в особенности сленга двадцать первого века. Звонкий смех сотрясал округ, когда начинался мастер-класс по произношению.

Пикник удался. Печёная рыба таяла во рту. Вяленое мясо напоминало колбасу, что очень порадовало Роберта. Свежий хлеб с сыром, луком и яйцами показался вкуснее, чем неприлично дорогие блюда из ресторанов.

Так и провели день, то купаясь, то играя в подобие пляжного волейбола с импровизированным мячом из тряпок, то смакуя сочные среднеазиатские персики и минуты свободы.

Закат встречали на берегу, обхватив друг друга за плечи, аплодировали и улюлюкали в ответ на заход огненно-рыжего шара за водный горизонт. Долго прощались поздно вечером у дома. Договаривались о новых пикниках на берегу реки, не представляя себе, что готовит завтрашний день. Юность и детство – беззаботная пора, далеко не заглядывает.

16. Яман

– Что тут происходит?

Роберт услышал гортанный рык и замер возле письменного столика. В дверях кабинета он увидел фигуру главного визиря, лицо которого было обезображено гневом.

Байсар стоял за Яманом и руками показывал сожаление о провале поисковой операции.

«*Damn*!» Настоящий эпик фейл», – пронеслось в глазах Роберта.

Яростные стрелы, пускаемые грозным взором визиря, пугали скорой расправой.

За пять часов до этого подросток еле ковырял кашу ложкой в тарелке. Эля ёжилась от неудобных утренних мыслей. Хмуро поглядывала то на профессора, то на друга. Не хотелось идти на службу. Спиной ощущала липкий страх.

Даат проинструктировал обоих, попросил держаться почтительно, не влезать в сомнительные ситуации, но при этом следить за жителями дворца и запоминать все детали обстановки и суть разговоров. И только если будет уверенность в безопасности действий, идти на риск.

* *Damn* (англ.) – чёрт.

До главной площади, где ещё вчера отгремел Большой базар, шли в нервозном темпе. Чтобы разрядить обстановку и переключить внимание с внутренних переживаний на внешние обстоятельства, профессор остановился и попытался провести импровизированную мини-экскурсию:

– Ребятки, взгляните-ка на прекрасный ансамбль дворцового здания и храма. Между прочим, это была самая северная в двенадцатом веке соборная мечеть. А дворец! Что за чудо его стрельчатая входная арка. Глядите, как выигрышно смотрятся на светлой поверхности яркие керамические изразцы.

– Арка как арка, – буркнул Роберт, – мне бы с ногами договориться, чтобы дошли до службы, а не туристического гида выслушивать.

– Плиточную мозаику на стенах завезли с арабского востока, – не унимался Даат. Казалось, он совсем забыл, для чего они пришли под окна эмирского дворца. Заливался соловьём, восхваляя прекрасную архитектуру.

– Профессор, с вами всё в порядке? – Эля, наконец, сообразила прервать восторги ценителя средневековых зданий.

– Конечно, – профессор недоумённо пожал плечами. – Я доверяю вам. Будьте ушами и глазами внутри дворца. Если не знаете, что ответить, сошлитесь на непонимание слов. По легенде, вы иностранцы. Роберт, держись рядом с Байсаром. Эля, тебе сложнее, будешь одна среди чужаков. Просто оставайся умницей. Пожалуйста, помните, что вы можете приблизить нас к возвращению. Каждое действие сверяйте с этой целью.

– Было бы спокойнее, если вы пошли с нами, – вздохнул Роберт.

– Несомненно. Но пока не могу. Нужно как-то и меня устроить во дворец. И это ещё одна задачка для вас. Писари, летописцы, историки всегда нужны тщеславным людям. А некоторые обитатели дворца точно из таких.

– Значит, будем пиарить вас в глазах этих господ, – согласилась Элька. – Круто вы придумали с профессией.

Простившись до вечера, Даат пошёл по своим делам в квартал ремесленных лавок. Роберт отправился на службу с Байсаром, Эля – в покои Айсун. Впервые они разлучились. Каждый нёс свои переживания, понимая, что остальным – не лучше. «Возможно, такая позиция и есть взрослая», – размышлял Роберт, стоя в шеренге новобранцев охраны главного визиря. «Возможно, именно так становятся старше и опытнее», – думала Эля, помогая с утренним туалетом Айсун.

– Возможно, всё возможно. Каждый из нас там, где должен быть, – бормотал Даат под нос, как мантру, чтобы прогнать стаю тревожных мыслей.

Отряд новобранцев выстроился в две шеренги. Каждый получил форму: зелёный кафтан-халат, новенькие мягкие сапоги, белую чалму. Роберт представил себя на маскараде в честь Хэллоуина. Тридцать молодых с оружием в руках и явным непониманием обязанностей походили на карикатурных персонажей. Что не сделают, всё невпопад. Это заметил и начальник охраны Мурат-алып, поэтому сразу принялся за инструктаж, больше похожий на брань. Роберт ничего из сказанного не понял, о чём сообщил Байсару взглядом.

– Смирно! Приветствуйте главного визиря Ямана! – скомандовал вдруг Мурат.

Все новобранцы разом подтянулись и прокричали что-то невнятное, отдалённо похожее на «Ас-сам»!

Во внутренний двор быстрым шагом вошёл тот, кто правил вместо эмира после его исчезновения. Яман оказался невысоким коренастым мужчиной с торчащими из-под белоснежной чалмы ушами, непривлекательными выглядели маленькие пронизательные глаза и узкая полоска губ. Главный визирь подолгу вглядывался в каждого, будто пытаясь проникнуть в их секреты. Ког-

да он оказался перед Робертом, парень смог разглядеть Ямана получше. На вид ему было лет сорок: круглое гладкое лицо, едва тронутое сеткой морщин, пышные чёрные усы без примеси седины. Неказистую внешность ещё больше портил большой нос, выглядевший на лице важного государственного чиновника несуразно. Расцепив сложенные за спиной во время осмотра руки, Яман пристроил левую ладонь на ажурную рукоять поясного кинжала, а правую опустил вдоль тела.

– Приветствую моих воинов. Я надеюсь на вашу смелость и верность. – Голос его, гортанный и низкий, отражался эхом от стен вокруг двора, отчего казался ещё более устрашающим. – Вам суждено стать моим щитом и охранять не только своего господина и повелителя, но и семью эмира. А значит, никакие происшествия не должны оставаться без внимания. Приказываю следить даже за дуновением ветра и криками птиц. Обо всех странностях во дворце и за его пределами докладывать незамедлительно.

После выступления Ямана занялись обыденными делами службы. Отряд разделили на пары и четвёрки. Первых отправили дежурить на посты, вторых – патрулировать внешний и внутренний периметры дворца. Роберт с Байсаром оказались перед дверьми кабинета главного визиря. «Нужно что-то придумать, раз так удачно выпало дежурство, – крутилось в голове парня. – Яман закрылся у себя. Но выйдет же он куда-нибудь. Тогда и можно будет пробраться, чтобы осмотреть кабинет». Роберт поглядывал в сторону Байсара и уже представлял себе триумфальное возвращение домой с важными сведениями, что помогут им вернуться в двадцать первый век.

Яман покинул кабинет через пару часов, когда Роберт вконец устал от ожидания. Бросив взгляд по сторонам, он кинул Байсара быстрее:

– Посторожи! Я мигом, – и скрылся за дверью.

Светлое помещение кабинета было отделано мозаикой из керамических плиток с цветочной росписью. Высокие окна выходили в сад. Рабочее место визиря находилось у окна за невысоким столиком, украшенным резьбой. Рядом располагалось низкое широкое саке, на котором адела мягкая подушка. «На ней, должно быть, удобно сидеть, скрестив ноги, как здесь это принято», – подумалось Роберту. Противоположную стену занимали массивные резные полки, на которых стояли толстые книги и лежали пирамиды свитков.

– Да уж, тут за минуту не разобраться, – невольно поморщился Роберт и решил начать осмотр со столика.

В глаза бросился жёсткий желтоватый лист, а также пять свитков. В правом углу сверкали серебром чернильница и две палочки для писания. Роберт пробежал взглядом по мудрёным кружевам строк на развёрнутой странице:

– Хардкорный* случай, не прочитывать, вот бы смартфон сюда, заснять и показать Даату, – парень вздохнул и принялся по очереди разворачивать свитки.

Но и тут мимо. Тогда он заметил косячную шкатулку в левом углу стола. На крышке красовался лев в прыжке, настигающий косялю. Открыл. Внутри оказались золотые подвески с уточкой, точная копия тех, что носила Айсун. Роберт ахнул и положил находку на место. И именно в этот момент вошёл Яман. От его яростного крика чуть потолок не рухнул:

– Что тут происходит?!

– Тут кошка мяукала, – выпалил Роберт первое, что пришло в голову.

– Какие кошки?! – взревел Яман. – Сейчас же вон! А ты... – Он указал пальцем с перстнем на Байсара. – Отведи

* Хардкорный – тяжёлый (англицизм, подрост. сленг).

этого вора к Мурат-алыпу. Если сбежит по дороге, ответишь головой!

Дома расстроенный Роберт пере-
сказал историку и Эле приказ главного
визира:

– Хорошо, что Мурат-алып поверил
нам с Байсаром. А вот Яман промах
прощать не собирается. Он так орал
на нас и потребовал: «Этих двоих по-
слать на корабли для сбора дани с
северных племён. Пусть послужат по-
настоящему. Каких олухов набрали!»

– Ох, повезло ещё, что за решёку не
бросили. А вот дубликат подвесок – это
любопытно, – почесал короткую бородку
Даат.

– Роб, ты, конечно, сегодня дава-
нул, – произнесла Эля с сожалением и
подтянула ноги к груди, чтобы положить
на них подбородок. – Когда отправляе-
тесь?

– Через неделю.

– Теперь моё присутствие рядом с
тобой просто необходимо. Будем ис-
кать входы-выходы. – Помолчав, Даат
твёрдо добавил: – Сумасбродно ты
себя повёл, но, с другой стороны, до-
был интересную информацию. Прошу,
в следующий раз будь осмотрительнее,
твоя жизнь на кону.

Всю неделю до отъезда Роберт слу-
жил без нареканий, тренировался в со-
ставе отряда, который отправлялся для
сбора дани с подвластных булгарам
народов. Он научился довольно сносно
обращаться с саблей и отбивать удары
противника, стал увереннее держаться
в седле. Вечерами ходил к пристани,
помогал загружать на корабль прови-
ант, оружие и сундуки с товарами. Гру-
стить о возвращении домой времени не
оставалось.

17. Айсун

Эля оказалась в женском обще-
стве, от которого всегда бежала. При-
шлось познакомиться с остальными
помощницами, что прислуживали доче-

ри эмира во дворце. И даже общаться
с ними. Девочка быстро вникла в суть
своих обязанностей. Она приходила
пораньше, чтобы подготовить одежду
Айсун к утреннему ритуалу, затем по-
могала прислуживать за завтраком,
сопровождала повсюду. После обеда
девушки обычно рукодельничали, пи-
сали письма, читали стихи и гуляли в
саду. Спустя несколько дней скучной
рутины Эля загрустила: «И это всё, что
доступно богатой горожанке, и не про-
сто представительнице болгарской зна-
ти, а принцессе? Где же удовольствия,
яркие впечатления, где жизнь, в конце
концов?»

– Вы совсем не выходите за преде-
лы дворца? – на четвёртый день, когда
осталась наедине с Айсун, Эля попы-
талась выведать все тонкости дворцо-
вого уклада. – На базар смогли как-то
вырваться.

– При моём статусе самовольно по-
кидать дворец нельзя. Не положено.
Раньше отец брал меня на конные про-
гулки за ворота города. А сейчас даже
этих выездов нет, – печально отозва-
лась Айсун.

Её угольно-чёрные ресницы опусти-
лись, по щеке скатилась одинокая сле-
за. В этой девушке, полной красоты и
достоинств, не ощущалось жизни. Вея-
ло печалью.

– Вам хочется замуж за Ямана? – не
удержалась Элька от некорректного во-
проса.

– Нет. Но так повелел отец в послед-
нем письме. Его воля для меня священ-
на. Почему ты спрашиваешь? – Айсун
повернула голову в сторону окна, где
стояла Эля, наблюдая за садом.

– Обычно девушки радуются свадь-
бе, а вы – наоборот. Сидите взаперти,
с женихом не встречаетесь.

– Это потому что мне не суждено
обручиться по любви. Ненавижу Яма-
на! – сорвалась Айсун и тут же шёпотом
добавила: – Но это между нами.

– Конечно, я – молчок. А давайте
сбежим? Погода летняя. Пойдём на

речку, ягод наберём, искупаемся. Только запасную рубашу нужно взять, чтобы после воды в сухое переодеться, – выпалила Элька скороговоркой, чтобы сменить тему, и сама удивилась своей бесцеремонности.

– А давай, – неожиданно согласилась Айсун. Она рассмеялась и погрозила прислужнице пальчиком. – Только вдвоём пойдём, чтобы сплетен не было. И откуда ты такая?..

«Рассказала бы, да всё равно не поверишь», – подумала Эля. А вслух ответила:

– Я мигом! – И побежала собирать запасную одежду и циновки.

Из дворца выбрались через осыпавшийся пролом в заборе, Айсун сама указала на него. Отправились, облачившись в простую одежду, с узлами в руках и закутавшись в покрывала. Все украшения Айсун оставили в покоях – в шкатулках. Даже в платье простолюдники дочь эмира выглядела прекрасно, как и в богато расшитых нарядах. Прямая спина, лёгкая походка, тонкие пальцы, изящно удерживающие узел с одеждой. В глазах играли задорные искорки, пробуждённые проказливой проделкой.

– Давно столько не ходила пешком, – поделилась Айсун, когда дошли до берега. – И в поля не выезжала уже год, с того самого дня, как... – она осеклась, задумавшись может ли рассказать о сокровенном.

– Как? – застыла в ожидании продолжения Эля.

– Как познакомилась с Асаном, – решилась на ответ дочь эмира. – Он подарил мне подвески с уточками. Я их постоянно ношу. Только не судьба нам быть вместе.

– Жаль, что вас насильно отдают замуж за нелюбимого. Должно быть, это ужасно, – тихо посочувствовала Эля и пригласила присесть на расстеленное покрывало из своей поклажи.

– Придётся повиноваться последней воле отца, а подвески вернуть Аса-

ну. – Айсун с печальным вздохом отвела глаза, чтобы не показывать очередных слёз.

– Да, положение безвыходное. А украшения вам очень идут, почему нельзя их оставить? – Эля искренне не понимала необходимость возврата подарка.

– Не хочу, чтобы они напоминали мне о несбывшемся счастье, – девушка опустила на предложенное место.

– Понимаю. Было бы больно каждый раз вспоминать о расставании, – заключила Эля и приземлилась рядом с Айсун. – Знаете, мне Даат рассказывал, что где-то видел подобные украшения.

– Правда? Я думала, они единственные, – оживилась дочь эмира.

– Ну, может, всего лишь похожи были. Фантазия у писателей бурная, – махнула рукой девочка. – Особенно, если долго без дела сидят.

– А Даат нигде не служит? – удивилась принцесса.

– Нет. Хотя он очень умный. Сочиняет стихи, увлекается историей, знает, как подготовить биографию, – пояснила Эля.

– Образованный человек твой родственник.

– Если бы пристроить его во дворец, – мечтательно произнесла девочка. – Сам главный визирь восхитился бы его способностями.

– При чём тут визирь? – нахмурилась госпожа.

– Талант Даата был бы полезен для государственных дел.

– Думаю, смогу устроить твоего дядю, – подумав, предложила Айсун.

– Ой, как бы это было здорово! – И Эля от души поблагодарила бикю*.

– Ты мне нравишься, поэтому соглашаюсь помочь. – После этих слов прекрасная болгарка поднялась, подошла к реке, постояла с минуту молча, потом погрузилась по пояс в воду и поплыла плавно, словно лебедь.

* Бика – княжна, здесь соответствует титулу дочери эмира.

«Надеюсь, дело выгорит. Даат сумеет попасть на корабль вместе с Робом», — Элька думала о своих близких и следила на булгарской княжной: «Надо ещё про Асана разузнать, чтоб и к нему мост проложить. Утче говорил, что ему с Айсун нельзя разлучаться. Придётся спасать пару. Всё-таки права мама, когда говорит, что я такая пронира в бабушку. Своего добиваться умею».

— В следующий раз поедem в лес верхом, малину поищем. С моими братьями выходить за пределы дворца дозволено. — Разрумяненная плаванием Айсун в мокрой рубашке опустилась на циновку рядом с помощницей. — Спасибо, что устроила мне день свободы от дворцовых правил.

— Пожалуйста! — Элька впервые в жизни радовалась женской компании. Айсун была такой искренней и простой в общении, что девочка расхрабрилась. — Тогда, может, Асана пригласить? Встретиться тайком среди лесной чащи.

— Это невозможно. Не будем даже говорить об этом, — прервала дочь эмира Элькин порыв вернуться к беседе о сердечных переживаниях. Её густые чёрные брови сошлись на переносице, в глазах заблестели молнии. — В последний раз мы нехорошо расстались. Я узнала, что ему в невесты китайская принцесса набивается.

— Вот коза! — Эля закрыла рукой рот и вытаращила глаза. — Простите, вырвалось.

— Настоящая коза, — со смехом согласилась Айсун. — Хотя мне не подобает так говорить. Дипломатия не позволяет. А после возвращения Ямана из приграничных районов во дворце будет большой приём. Прибудут гости, послы из разных стран. Она тоже приглашена.

— Давайте устроим этой мандаринке «горячий» приём, придумаем что-нибудь эдакое? Чтоб навсегда забыла про вашего Асана.

— А давай, — согласилась Айсун. — И как тебе удаётся подбить меня на всякие проделки?

— Годы учёбы у бабушки Берты не прошли даром. Она может снег продать на самом севере! — звонко рассмеялась Элька.

Наутро Даат смиренно ждал разрешения войти в кабинет визиря. Айсун сдержала слово и смогла убедить Ямана принять его, рассказав, как искусен этот человек в составлении жизнеописания государственных мужей. Наконец профессор предстал перед проницательным взором самонаречённого правителя.

— Ты, говорят, слагаешь буквы в тексты, как известные арабские поэты? — сразу с главного начал Яман.

Он всегда вёл себя без лишних церемоний с людьми ниже его по статусу. И только с семьёй эмира Бахрама приходилось осторожничать, подбираясь к сути медленно, словно охотник к добыче.

— Не только стихи. Могу описать историю вашего правления и увековечить славные дела господина для потомков, — поклонился Даат в знак приветствия.

Он подобрался ближе к столику, за которым восседал Яман.

— Достоинно звучит.

— Предлагаю начать ваше жизнеописание с самого рождения, так заведено у багдадских халифов. — Профессор ловко манипулировал, делая ставку на тщеславие визиря.

— Мне нравится твоё предложение. Сможешь приходить каждый день на час-другой, чтобы записывать мои воспоминания?

— Для такого дела времени не жалко, — снова поклонился Даат.

— Тогда возьму тебя в свою поездку вверх по Чулману, заодно увидишь меня в деле. Нужно дань собрать и показать дикарям, кто главный теперь в Великой Булгарии... — Крупный нос визиря надменно вздёрнулся.

— Я готов следовать за вами хоть на край земли и преданно служить, — Даат в знак почтения опустил глаза в пол

и как бы случайно заметил шкатулку на столе. — О-о, какая роскошная вещица! Это из бивней древних чудовищ, что находят на северных территориях славяне?

— Верно. Весьма дорогая работа. Разбираешься в таком?

— Позвольте? — Даат, не дожидаясь разрешения, подхватил шкатулку и неловко перевернул. Крышка раскрылась. Подвески выпали и приземлились на мягкий ковёр. — Простите великодушно, повелитель, мою неловкость. Очень сожалею. — Профессор сложил ладони в извиняющемся жесте, затем наклонился за украшениями, поднял их и протянул нахмутившемуся Яману. — Полагаю, что содержимое шкатулки ещё более ценное, чем она сама.

— Э-э-э... — растерялся визирь от неожиданности. Забрав украшение из рук посетителя, он быстро спрятал подвески в стол. — Это подарок моей невесте.

Профессор ещё раз почтительно поклонился и удалился из покоев.

— Зачем он собирается дарить подвески, если точно такие же у дочери эмира уже есть? — задавал вопрос дома Даат ребятам, когда те вернулись из дворца. Оба промокли под летним дождем, что резво припустил отмыкать улицы и дома от пыли.

— Может, он не дарить собирается, а подменить? — сообразил Роберт, протягивая руки к печке. Она потрескивала угольками и приятно согревала.

— Если так, получается, что как раз его подвески с проклятием? — предположила Эля и тоже придвинулась к тёплым струям воздуха из печи. Грела руки и сушила волосы.

— Мы не знаем, какая пара подвесок заколдована. Нужно подумать, как это определить. — Даат потер виски. — События закручиваются, словно нить судьбы на веретено. К счастью, на корабль я попаду вместе с Робертом. Только бы удача сопровождала нас попутным ветром. «И выдержать бы все

сложности», — последнюю фразу он сказал уже сам себе.

18. На краю

Казалось, удача действительно сопровождала троицу. И каждый шаг на пути разгадки тайны проклятия приближал их возвращение в будущее. Профессор собирался в дорогу и о том, что Эля остаётся одна в Булгаре, почти не волновался. Ей нравилось находиться возле Айсун. И дочери эмира становилось легче рядом с этой живой и свободлюбивой девочкой.

Отплытие главного визиря к данникам состоялось на пяти небольших кораблях. Круглобокие суда имели мачту для одного паруса. Вёсла полагались для обоих бортов. На каждый корабль с командой из десяти человек взошёл отряд из двадцати воинов, которых при необходимости можно было использовать как гребцов.

Роберт с Байсаром оказались в команде главного визиря. Здесь на корме, палубе и трюме сохранился слабый запах смолы, что говорило о том, что передовое судно построено совсем недавно. Юношам пришлось неотлучно находиться возле самопровозглашённого правителя. Яман ещё не позабыл историю с кошкой и постоянно придирался к Роберту. Даат тоже оказался вместе с ними, чтобы быть под рукой предводителя и создавать летопись ратных подвигов болгарского правителя.

До места встречи с племенами предстояло идти по Каме пять-шесть дней. Впервые за последние сто лет правитель ехал к ним сам. Встреча должна была состояться на границе Великой Булгарии с землями родовых союзов, что проживали севернее.

Племена охотников из Страны Мрака должны были привезти шкурки белок, соболей, зайцев, куниц в качестве оплаты ежегодной дани. Кроме того, Яман задумал завоевать весь рынок

меха, лишить купцов, издавна наживающихся на торговле пушниной, товара и привычной прибыли, забрать всё в свои руки.

Даат незаметно для других поведал Роберту о хитрых замыслах Ямана. Они условились не общаться на людях, на всякий случай. Профессор тайком делал записи для себя, используя пергамент, который главный визирь выдал вместе с походной чернильницей для описания его подвигов. Учёный пользовался моментом, все его наблюдения были бесценны для науки. Он надеялся вынести исторические заметки из Булгара, когда вернётся обратно в будущее. «Когда или если?» — он и сам не знал, как всё сложится, и лишь наблюдал за обстановкой.

Западный ветер помогал кораблям идти против течения. Кама покорно позволяла судам подниматься вверх на вёслах. Казалось, она разомлела на жарком солнце и вяло била волнами о корму. Река будто находилась между двумя сыновьями-берегами: левым низкорослым и правым долговязым. Первый ласково зеленел лиственными рощами и лугами, второй хмурился хвойными чащами и скалистыми морщинами взгорий. Даат смотрел и узнавал очертания пейзажей. Прошли около города Джукетау*, пристань и укрепленные стены его остались справа. Профессор не смог уговорить Ямана остановиться там на время. Главный визирь спешил, а маленький городок не представлял для него интереса.

От речных видов у Даата защемило сердце. Всплывали в памяти отпусные поездки в Чистополь с женой. На быстходных судах они за три часа добрались до провинциального города. А в

двенадцатом веке люди передвигались черепашьими темпами.

Роберт крепился. Вчерашнему подростку из двадцать первого столетия приходилось туго. Языковые трудности — раз. Сабля и щит с непривычки оттягивали руки и спину — два, сон не более пяти часов — три. Никакого уважения к биологическим ритмам. А ещё нужно было постоянно находиться при главном визире, будь он неладен. Осто-чертело Средневековье до следов ногтей на ладонях — так сильно сжимал от напряжения пальцы. Хотелось послать всех вокруг и убежать. Но только вот бежать было некуда. Единственный шанс вернуться в своё время — разобраться с колдовским проклятием подвесок. Приходилось терпеть и плыть не только на корабле, но и по течению событий.

К утру шестого дня экспедиция достигла Алабуги.

— Да это же Чёртово городище! — воскликнул Даат, завидев с палубы знакомые каменные очертания.

В последнее посещение Елабуги он прогуливался вдоль высокого берега и любовался водной гладью Камы. Одиноко и сиротливо стояла тогда башня на правом склоне реки. А тут предстала в компании трёх других, которые, расположившись по углам каменной крепости, устрашали своей неприступностью. Здесь гарнизоном командовал Бигер-бек — смелый военачальник, которого эмир Бахрам отправил сторожить границы Великой Булгарии на северо-востоке.

На краю страны жизнь протекала в окружении сосновых и еловых лесов и широких речных просторов, что делились на извилистые рукава основного русла, старицы, звонких протоков. Со стен булгарского бастиона открывалась панорама, которой позавидовали бы художники и туристы. Но в те времена ценили другое: широкий угол обзора позволял замечать приближающихся издали врагов.

* Древний город Волжской Булгарии, находившийся близ современного города Чистополя в Республике Татарстан, на левом берегу Камы, основан в X веке.

Крепость представляла собой пограничный форт. Рядом располагалась деревушка. Дни её обитателей проходили в крестьянских заботах.

Яман планировал пробыть в Алабуге несколько дней, чтобы провести учёт поступлений в казну, встретиться с купцами и посланниками соседних племён. Поселился в доме Бигер-бека. Воинский отряд главного визиря расположился за стенами в войлочных юртах. Все, кроме личных телохранителей. Последние неотлучно находились около правителя. Воины принимали ценные товары, грузили на корабли собранные подношения, следили за порядком. Внимательные глаза-щелочки Ямана успевали замечать всё вокруг, а сам он осторожно, как ступает лесной зверь, прощупывал преданность каждого, кто просил о встрече или оказывался рядом. Даат постоянно находился при главном визире, фиксировал события в пергаментных свитках.

На третий день назначили встречу с послами северных племён. Приём решили провести во дворе крепости, для чего разместили скамьи и повесили болгарские знамена. Даату пришлось находиться рядом с господином, исполняя роль писца. А Роберта и вовсе определили в караул рядом с походным тронем Ямана.

Десять гостей вошли в крепость. Послов заставили снять кафтаны с меховой оторочкой, кожаные жилеты и сапоги. Они разделись до рубаш и штанов, чтобы доказать отсутствие оружия. Только после тщательной проверки разрешили пройти на крепостную площадь и расположиться по левую руку от правителя.

По правую руку главный визирь посадил приближённых военачальников. Встреча началась с обращения гостей. Слова восхваления Яману лились густой патокой. Но тот сидел с беспристрастным лицом и только кивал в ответ. После ответил решительно:

– Докажите делом свою предан-

ность правителю Булгара. С этого дня помимо уплаты налога вам надлежит торговать мехами только с нашими купцами. Не будете соблюдать указ, перекрою речной и сухопутный пути. Останетесь без продаж и доходов.

Представители племён возмущённо зашумели.

– О, правитель, – встал с места главный из послов, чтобы прекратить опасные разговоры среди своих соплеменников. – Позволь нам обсудить новые условия торговли? Через два часа мы дадим ответ.

Яман благодушно согласился, понимая, что загнал гостей в ловушку. В обозначенное время посланники вернулись. Чтобы не затягивать переговоры, визирь сразу же спросил о решении. Главный посол встал напротив него, поклонился и произнёс:

– Досточтимый повелитель, как представители наших племён, мы соглашаемся на твои условия. Прошу скрепить уговор обьятиями.

Яман помедлил и нехотя встал. Подойдя к послу, он развёл руки, но тут Роберт, заметив тень на крепостной стене, молнией прыгнул к главному визирю и с криком «ложись!» толкнул Ямана щитом. Стрела настигла подростка, когда он заслонял правителя Булгарии. Вонзилась в предплечье. Роберт взвыл от дикой боли. Началась кутерьма. Воины ринулись ловить лучника. Охранники Ямана выхватили сабли и окружили послов.

Даат подбежал к Роберту, приобнял за спину и уложил на землю:

– Врача! – заорал с такой силой, что вздрогнули все, кто находился в крепостном дворе. – Роберт, держись, мой мальчик, сейчас поможем. Промоем рану. Перевяжем. До свадьбы заживёт.

– Даат, это опасно? – хриплым голосом переспросил Роберт, чувствуя нестерпимое желание проснуться от кошмара последних недель.

– Нет, что ты. Найдём местного травника, чтобы осмотрел и наколдовал, – успокаивал профессор подрост-

ка и себя. – Нам уезжать завтра. Быстро доберёмся до Булгара. Обратный путь будет вниз по течению. Все обойдётся.

Пока Даат заговаривал раненого, Бигер-бек увел Ямана в укрытие, приставил охрану. Послов взяли в плен вместе с лучником. Неразбериха закончилась. Найденный целитель вытащил стрелу, осмотрел рану Роберта, промыл, наложил целебную мазь и перевязал. При лихорадке посоветовал пить отвар ивовой коры с цветами липы и малиной.

К вечеру выяснились подробности заговора. Представители северных племён не собирались идти на новые условия торговли. Они показались им унижительными. Чтобы не попасть в зависимость от сильного болгарского государства, решились на убийство Ямана. Наспех нашли среди своих людей юркого лазутчика, придумали способ убить могущественного врага. Лишь неожиданный поступок Роберта помешал хитрому замыслу. Всех послов казнили в тот же вечер, кроме одного. Его отправили на родину, чтобы передал повеление: возить меха на продажу только купцам из Великого Булгара.

– Мы на краю, но выберемся, обещаю. И проклятье повернём против самого Ямана, – шептал Даат, как заклинание, пока Роберт метался в жарком бреду.

Байсар всю ночь помогал ему ухаживать за раненым, готовил лечебный отвар и поддерживал профессора. Седых волос на голове Даата в ту ночь прибавилось, а сердце, казалось, утратило чёткость ритма. Он причитал шепотом:

– Не могу тебя потерять, как сына. Не могу, не могу.

Яман даже не заглянул в юрту к Роберту, приняв как должное спасение своей жизни. На то и нужны охранники и воины, чтобы выполнять задачу. А не оправится, так другой придёт на его место. Визирь считал бессмысленным

сострадать тем, кто всего лишь инструмент на пути к цели.

Наутро болгарские корабли, полные собранной дани и подношений, повернули в обратный путь. Роберту с Даатом предстояло продержаться в пути три долгих дня. Семьдесят два часа профессор неотступно находился рядом с Робертом. Яман не возражал. Все записи Даат сделал. Остальное успеется.

19. Сын Даата

– Ты не понимаешь, отец! – В комнате, куда десять минут назад вошёл Дамир Халилович, разгорался спор. Жена Альфия находилась на кухне, хлопотала об ужине.

– Мне сложно судить о программных кодах, но про родительские опасения рассказать обязан, – Дамир Халилович еле сдерживал себя и пытался не переходить на крик.

– Похоже, тут всем нужно успокоиться, – в комнату вошла мать одного и жена другого. По голосу профессор понял, что ей больно выносить столкновение близких людей. Поэтому позволила себе вклинить в обсуждение. – Давайте переместимся за стол, выпьем чаю с ароматным вареньем. В духовке почти готово жаркое. Вы оба любите это блюдо.

– Альфия, понимаю, что хочешь смягчить жёсткий разговор. – Извиняющимся тоном историк пытался загладить несдержанность с сыном.

– Раньше скандалов у нас в доме не было. А сегодня вы словно потеряли рассудок, – всплеснула руками Альфия и ещё ближе подошла к мужу.

– Нам не избежать разборок, мама, – Ринат взглянул исподлобья.

– Да. Нужно понять, от чего бежит наш сын? – согласился на продолжение стычки оппонент.

– Почему бегу? – скептически покачал головой молодой человек.

В свои двадцать два он уже окончил

университет в Москве, получил специальность в области информационных систем. Поступил в аспирантуру в том же вузе. Но только заканчивать её не собирался, а намеревался уехать в США в одну из небольших компаний Силиконовой долины. Переманивал его старший товарищ, который покинул страну несколько лет назад и работал на фирме, подбирая персонал для разных проектов. Ринат мечтал о подобной карьере и согласился, не раздумывая. На родине его не держало почти ничего, кроме родителей и пары друзей.

– Послушайте, – снова вмешалась Альфия. – На нервах можно много обидного друг другу наговорить. Давайте закончим на сегодня. Сын только вернулся из Москвы, Дамир. Пусть отдохнёт с дороги. Обсудить планы можно и завтра, – женщина мягко дотронулась до плеча мужа, прося прекратить напряжённую для всех сцену.

Общение за столом сначала не задалось. Мужчины ели молча. Альфия накрывала, угощала, суежилась: «Вкусно? Соли хватает? Может добавки?» Односложные ответы её не удовлетворяли. И тогда решила напомнить о времени, когда они втроем были особенно близки.

В девятиностом году семья Маликовых отправилась на двухнедельный отдых в Адлер на Черноморское побережье. Ринату было лет семь. Поселились в частном секторе, в стареньком доме без удобств. Радовало, что море близко. Жаркие летние дни проводили на галечном пляже. Красный зонт, словно огромный цветок, раскрывался утром и складывал лепестки вечером, когда Маликовы покидали берег. На рестораны денег не было. Днём перебивались бутербродами и фруктами. Ужин готовили на старой электроплитке.

Однажды поехали на автобусе марки «ГАЗ» по опасной автомобильной дороге в Сочинские горы. После узких тоннелей и нависающих скал очутились на Красной Поляне среди горных вершин. На склоне раскинулись канаты

подъёмника, что в зимнее время возил в открытых люльках горнолыжников вверх и обратно. Летом он использовался для развлечения туристов. Маликовы купили билеты и отправились наслаждаться пейзажами. Чем выше поднимались, тем становилось холоднее, облака создавали плотную завесу, не давая лучам солнца пробиться через них. На обратном пути полил дождь. Деваться некуда, пришлось сидеть и мокнуть, пролетая на деревянной скамье над лугами папоротников и реликтовыми лесами. Чтобы скоротать время и не отбивать зубами чечётку, Альфия предложила петь. Так и спустились втроем, согреваясь песнями из мультфильмов и сказок. Никогда суровые кавказские горы не слышали столько весёлых мелодий. Но простуда всё равно настигла, и остаток отдыха они провели, шмыгая носами.

За столом потеплело. Втроем ощутили приятную ностальгию. Улыбаясь Альфия начала разливать чай по фарфоровым чашкам и радостно поглядывала на мужа в надежде, что всё окончательно наладилось.

Но на следующий день завертелось по новой. Сначала отец и сын пытались обсудить переезд спокойно. Затея провалилась. Дамир Халилович искренне не понимал, что несёт Рината на другой конец Земли. Перспективы есть и на родине, нужно лишь набраться терпения. Всё сразу получить от жизни нельзя.

Сын видел ситуацию в другом свете. Ему выпал шанс работать в самом продвинутом месте, он будет заниматься интересными проектами, а не прозябать системным администратором – пусть даже в крупной компании. В Силиконовой долине жизнь бьёт фонтаном, и он хотел бы находиться в центре этой феерии.

– Отец, ты ведь и сам когда-то выбрал дело по душе, хотя дед не одобрял. Почему сейчас настроен против моего решения?

– Не вижу смысла уезжать. – Профессор боялся признаться, что не же-

лает расставаться с сыном, не хочет отпускать его так далеко.

– А я вижу! И собираюсь жить и работать там, где всегда мечтал! – Ринат не сдержался и перешёл на крик, словно громкость слов могла позволить яснее донести мнение.

– Если уедёшь, – вспыхнул Маликов-старший в ответ, – мы больше не будем общаться, так и знай!

– Не хотел доводить до этого, но раз уж ты выдвигаешь ультиматум... – Лицо Рината перекосила гримаса боли. – Дорого достаётся мне мечта. Но вы с мамой останетесь мне близкими в любом случае.

На этом перепалка закончилась. Дамир Халилович в досаде вышел из комнаты сына. Слышал, как жена уговаривала Рината, но тот остался непреклонен. Собрав вещи и документы, покинул родительский дом навсегда. В тот день Альфия долго смотрела в окно и молчала. Профессор видел, как она переживала за своих мужчин, но помочь ничем не мог.

Прошло семь лет. Маликов-младший закрепился в Силиконовой долине и получил право руководить крупными проектами. Это Дамир Халилович узнал, когда за год до гибели жены случайно обнаружил, что мать и сын тайно общаются. Огорчился, что жена скрывала от него возобновление отношений. Но решил не держать зла. Ведь он вскоре мог бы тоже сблизиться с Ринатом.

Однако жизнь подкинула новое испытание. Даже трагический конец жизни Альфии не помог потеплению отношений отца и сына. Безвременный уход супруги застал профессора врасплох. Понятный и устойчивый мир пошатнулся, а сам он словно оказался в глубоком подвале, где сыро, мрачно, одиноко, и нет выхода. Сын не приехал на похороны.

«Знает ли Ринат о моей пропаже?» – мысленно вопрошал Даат, оказавшись на корабле рядом с раненым

Робертом. Прокручивал ситуацию с сыном вновь и вновь, корил себя за гордыню, вспыльчивость и неадаптивность.

Когда судьба подарила встречу с современниками на дальнем витке спирали времени, Даат обрадовался. А в момент ранения юного друга почувствовал острую боль, столь же сильную, как в день отъезда сына.

– Когда вернусь в своё время, разыщу Рината в Америке, – прошептал Даат где-то на просторах Камы, в скрипучем трюме корабля у изголовья Роберта, не заметив, что парень его слышит.

20. Тайна шкатулки

Пока Даат с Робертом находились в плавании, Эля временем и возможностями не разбрасывалась. Хотя профессор строго запретил лезть на рожон, отроковица с мозгами истинного детектива и с замашками авантюриста решила провести расследование. Подсмотрела время прохода караульных мимо дверей кабинета главного визиря. Как бы невзначай расспросила Айсун о ключах и месте их хранения. Узнала, что они находятся у Ахмета – пожилого слуги, любителя поговорить с каждым, кто встречается на пути. «Добровольно он, конечно, ничего не отдаст, хоть и кажется добродушным. Но можно схитрить», – размышляла Элька в поисках выхода.

Выход нашёлся. На каждом ключе висела металлическая табличка с именем владельца помещения. Оставалось только незаметно забрать нужный. Эля отправилась к Утче и попросила снотворное. Подмешала снадобье в напиток для ключника. Тот с радостью согласился угоститься из рук самой Айсун. Дочь эмира не знала, что участвует в важной операции. Элька прикинулась посланником от своей госпожи и вручила наивному старику сладкий напиток на меду.

Как только жертва прикрыла глаза и засопела, девочка сняла искомый предмет со связки, убрала табличку с именем владельца и отнесла к кузнецу Чукиру. Наплела про потерянный ключ от дома и получила дубликат. Ахмет пробудился и не заметил пропажи, потому что в тот же день её вернули на место.

Теперь нужно было вскрыть кабинет и забрать шкатулку. Сердце бешено стучало, наводило панику и грозилось выдать Элькин секрет. Обычно помогало размеренное дыхание и мысли о чём-то отвлечённом. Но в этот раз волнение охватило полностью. Всё валилось из рук, чёрные мысли роились в светлой голове. Айсун заметила странное поведение помощницы, но виду не подала.

Элька отпросилась, якобы в город, но пошла на ту половину дворца, где располагалась приёмная Ямана. Мышью прошмыгнула между караулами и, наконец, оказалась внутри нужной комнаты. Здесь пахло пылью и старыми книгами. Костяная шкатулка белела на столе.

– Вот ты какая! – обрадовалась Эля и немедленно подняла крышку. – Ура, подвески на месте.

Взяла драгоценную коробочку в руки и рассмотрела искусную резьбу со всех сторон. Спрятала под одежду. И только хотела покинуть логово Ямана, как дверь отворилась. На пороге стояла Айсун.

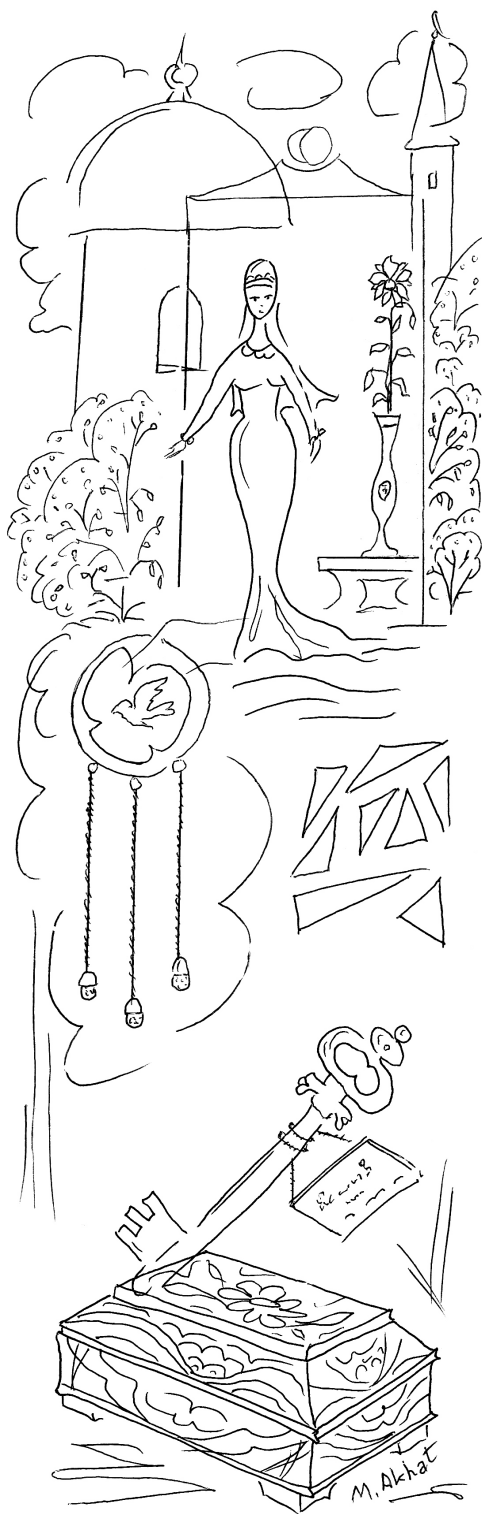
– Я... – начала было Эля, но миндалевидные глаза бики смотрели жёстко, взглядом приказывая остановиться.

– Зачем сюда пришла? – сухо спросила дочь эмира.

– Мне нужно было... – Эля на ходу придумывала правдоподобный повод и медлила с ответом.

– Говори сейчас же! – приказала Айсун.

Девочка сдалась и вытащила наружу шкатулку. Молча протянула госпоже.

Айсун заглянула внутрь и оторопела:

– Подвески? Но откуда? Как? – посыпались на Эльку вопросы.

– Не знаю. Даат случайно увидел и подумал, что эти украшения точь-в-точь как ваши, – выдала Элька полуправду в надежде заслужить прощение за проступок. – Пока Ямана нет, решила взять, чтобы разузнать их историю. Хотела потом вернуть.

– Они как-то связаны со мной?

– Скорее всего, – неуверенно произнесла Элька.

– Да ты настоящая проныра, – уже дружелюбно посмотрела Айсун и обняла прислужницу. – Есть одна колдунья, зовут Убыр. Можем вдвоём к ней сходить. Только нужно повернуть это тайно, без имён и деталей. Гадания и магические обряды у нас под запретом. Но мне не терпится узнать тайну подвесок. Без этой старухи не обойтись.

Эля насторожилась, услышав имя колдуньи, подумала: «Это та, что проклятье наслала на одну из двух пар украшений? Тогда точно нужно бежать к ней». Вслух же произнесла:

– Чтобы Убыр не видела подвески, спрячем их по разным коробочкам. Так надёжнее. Мало ли, что.

– Да, ты права. Чем меньше узнает, тем надёжнее, заодно и её проверим, – согласилась дочь эмира. – Завтра же пойдём. Ждать нельзя. Главный визирь может вернуться со дня на день. А шкатулку нужно возратить на место до его прибытия.

– Хорошо. – Элька успокоилась и, опустив глаза в пол, решила извиниться: – Простите меня за своеволие.

– В следующий раз не держи от меня тайн. – Дочь эмира взяла помощницу за руки и пожалала их. В этот момент девушки ещё больше сблизились. У Айсун появилась младшая, а у Эли – старшая сестра.

21. Старуха Убыр

К колдунье девушки пошли укутанные так, что даже родной человек не узнал бы. Из дворца снова выбрались через потайной лаз в дальнем углу сада. Подвески разложили по двум шкатулкам. Свою пару Айсун доверила серебряному ларчику, украшенному аметистами. Обе коробочки надёжно закрыли на замки, чтобы не потерять содержимое и не перепутать пары украшений между собой.

Старуха Убыр жила в дальней слободе в большом доме из толстых брёвен. Крыша, в отличие от соседних зданий, была покрыта деревянными досками, а не соломой. Ничего не говорило о хозяйке и её ремесле. Дом как дом, даже симпатичный – аккуратный и с небольшими окнами.

– А я думала, у жилища колдуньи должны быть отличительные черты, вроде оленьих рогов на крыше или чучел птиц на крыльце, от сглаза. – Эля осмотрела до неприличия обычное здание.

– Колдовство у нас под запретом, вот хозяйка и не вызывает лишние разговоры и домыслы, – не удивилась дочь эмира.

Для неё поход в это место был волнующим. Она ощущала страх неизвестности. Пальцы дрожали, колени подкашивались. Но тайна двух пар подвесок манила, настойчиво требовала раскрыть её. За ней стояло что-то неуловимое, словно дуновение ветра. Этими опасениями Айсун не стала делиться с Элей.

Та тоже помалкивала о своих чувствах. О том, как хочется вернуться домой к маме и папе. Даже бабулю БERTY счастлива была бы увидеть снова. Лишь бы вернуть нормальную жизнь. Поход к колдунье мог продвинуть поиск тайны проклятия. Элька ощущала покалывание в ладонях и щеках от нетерпения.

Только девушки решились постучать в дверь, как та отворилась сама. В про-

ёме стояла Убыр. Лицо её не выказывало удивления. Внимательные серые глаза смотрели на посетительниц ясно, как будто бы старуха знала, зачем и с какими вопросами они пожаловали. Седые волосы едва выглядывали из-под головного убора, похожего на мягкий белый колпак. Роста она была высокого. Худощавая, угловатая. Даже под просторным холщовым платьем угадывалось сухое жилистое тело. Острые черты колдуньи и бледность кожи с голубизной охладили девушек.

– Проходите, – пригласила та высоким голосом.

Жилище Убыр оказалось чистым и светлым. Ярко горели три масляные лампы. На полу был расстелен домо-тканый ковер. Печка аккуратно белела справа, топчан с подушками и две скамьи – слева. Занавеской отгорожена часть комнаты. Никаких свисающих с потолка сухих трав или волшебных пузырьков. Ничего, что указывало бы на колдовство. Айсун с Элей переглянулись и робко присели напротив Убыр.

«Она ещё не старуха. И кого-то мне напоминает». – Эля смотрела на колдунью в упор и не могла вспомнить, где встречала эти внимательные глаза удивительного цвета.

– Давайте то, с чем пришли, – спокойно обратилась Убыр к девушкам. Айсун достала из кожаного мешочка две шкатулки и положила на стол:

– Предметы, что спрятаны, не могу показать. Но нужно, чтобы вы раскрыли их секрет. – Голос дочери эмира задрожал.

Убыр взяла в руки обе коробочки – костяную и серебряную – словно хотела их взвесить. Прикрыла глаза. Минуту сидела молча, наконец, сказала:

– Предметы, которые скрыты внутри, имеют значение для каждой из вас. Но разное. Тебя, – указала на Айсун. – они касаются в сердечных делах. А тебе, – посмотрела на Элю, – нужны для возвращения в настоящую жизнь. Содержимое костяной шкатулки чи-

стое, а в другой чувствую действие проклятия. Моего.

Последним словом Убыр словно пригвоздила обеих девушек к скамье. Неожданное известие отняло дар речи.

– Хотите знать, как его снять?

Словно в трансе, Айсун с Элей кивнули в знак согласия.

– Тебе и двум друзьям необходимо пройти через череду испытаний. Придётся пожертвовать жизнью ради других, – колдунья указала на Элю. – Тогда проклятие исчезнет навсегда. Оно не сможет пережить силу духа и доброту. Один из вашей тройки уже проходит испытание прямо сейчас.

– А почему это связано со мной? – не понимала Айсун связи между собой и подругой.

– Предметы должны были отвратить тебя от возлюбленного, посеять между вами раздор. Но поскольку ваша привязанность крепкая, проклятие пользуется другими, набирает силу через их ссору и непонимание. Вот твою спутницу и занесло сюда из будущего. Есть ещё двое, кто замешан в этом – оттуда же прибыли. Заклинание перенесло их на тысячу лет назад, затянуло рыбок в свои сети. Вас всех объединило проклятие. Неслучайно вышло, потому что каждому уготованы свои трудности. Придётся справляться с ними вместе и в одиночку.

«Конец. Айсун меня не простит», – пронеслось в голове у Эльки, руки перестали теревить юбку и бессильно упали вдоль тела.

Айсун начала задыхаться в складках вуали: «Снова обман. Что у этой девчонки в душе?»

– Она всего лишь ищет выход из ситуации, пытается размотать клубок событий, – заступилась за Элю Убыр, словно прочитав мысли Айсун. – Вы все запутаны в этом клубке. Снять колдовство не могу. Только в ваших силах это сделать. Рассказывать о вашем приходе никому не буду. Тайнами не торгую.

Мне безразлична судьба посетителей, важна только репутация.

– Зачем же тогда проклятие наслало? – возмутилась Айсун.

– Всегда выполняю просьбы людей, когда это мне под силу.

– Есть ещё что-то, что мы должны знать?

– Если у вас вопросов нет, то у меня всё, – закончила Убыр.

Айсун сгрэбла шкатулки в мешочек, оставила на столе несколько серебряных монет, схватила подругу за руку и вывела на улицу. За поворотом сняла с лица вуаль и отдышалась.

– Вы мне не поверили бы... – Эля тихо начала запоздалую исповедь, от переполнявшего чувства вины снова перешла на почтительное «вы» и поведала обо всём, начиная с музейной перепалки до сегодняшнего дня. Как могла, на недавно выученном болгарскоязыке постаралась донести детали сложной истории.

– Получается, ты намеренно внедрилась ко мне на службу? И Даата попросила к главному визирю порекомендовать? – настороженно смотрела Айсун на человека, которого считала полностью преданным ей ещё недавно.

– Тогда на рынке я не притворялась. Меня задел обман купца, пытавшегося продать вам кольцо. Не выношу лгунов. А теперь самой приходится изворачиваться, чтобы снять проклятие. Я очень хочу вернуться домой, в будущее, – не выдержала напряжения Эля и заревела навзрыд. – Думала, что хитростью смогу приблизить возвращение. Никому же плохого не делала, – всхлипывала она на плече Айсун. – А оказалось, что без друзей и помощи сложно решать трудные задачи. Открыться не могла. Вы бы мне не поверили. Я вообще с девочками всегда трудно общалась.

– Даже не знаю, что и сказать. Возможно, не поверила бы. – Дочь эмира взяла руки Эли в свои и посмотрела ей в лицо. – Теперь, когда мы знаем друг

друга лучше, можем вернуться во дворец и ждать Даата с Робертом.

– Вы не прогоните меня? – вытерла раскрасневшиеся глаза Эля.

– Давай опять перейдём на «ты». – Элька в ответ кивнула. – Раз мы связаны подвесками, значит, будем искать выход вместе. Хотя не всё мне понятно из твоего рассказа, но многое похоже на правду. Вряд ли такое можно придумать. А сейчас, прошу, пойдём скорее, нас могут хватить во дворце. По дороге расскажи про свою бабушку Берту, таких женщин я не встречала, – по-доброму попросила Айсун.

– Погоди-ка, вспомнила! – хлопнула себя по лбу Элька от неожиданного озарения. – Эта колдунья похожа на Нелю Мунировну! Ну, ту, что поссорилась с профессором и отругала нас с Робертом в музее. Голова кругом пошла. Вот Даат удивится.

Ошеломлённые кучей открытий последних часов девушки поспешили во дворец. К счастью, отсутствия их никто не заметил. Ещё бы, ведь Айсун сказала усталой и объявила, что хочет вздремнуть и приказала не беспокоить её. А по возвращении они долго сидели в покоях дочери эмира и доверяли друг другу тайны, делились страхами и обсуждали бабушку Берту. Если бы та узнала, что её слава продлится в веках, пусть даже в обратном направлении, то наверняка похвалила бы внуку.

А Убыр в своём светлом и опрятном доме размышляла о женщине из двадцать первого века, так похожей на неё, о колдовстве и второй паре подвесок, о важных сведениях, о которых умолчала. Ведь девушки сами захотели знать только об одном проклятии. Колдунья предпочитала не распространяться о лишнем. В её картине мира должно сохраняться равновесие – давать столько, сколько просили. Уж она-то всегда следила за выполнением этого правила.

22. Приём во дворце

Не успел Даат вернуться из тяжёлой экспедиции, Эля огорошила его эмоциональным рассказом о проклятии, о жертвах, необходимых ради снятия колдовства, о старухе Убыр и о том, что Айсун узнала об их перемещении из будущего. От услышанного профессор рухнул на скамью, обхватил лицо ладонями и сдвинул виски. Реальность больно ударила новостями. Последние недели разбередили старые язвы и добавили переживаний. Хорошо, если Айсун будет держать рот на замке. Хотя Элька была уверена в подруге.

Роберт шёл на поправку, но после возвращения в Булгар несколько дней ещё отлеживался в доме Даата. Ему позволили не появляться на службе, помня, что он спас жизнь главного визиря. Рана его затягивалась. Вместе с ней уходила детская наивность. На краю гибели Роберт осознал, что важнее всего найти ответ на вопрос: «Всё ли в жизни я делал правильно?» Тогда-то и стало ясно, что там, в двадцать первом веке, он сам себе не хозяин. Поэтому и сложно принимать решения и выбирать путь в будущее. К собственным переживаниям добавились вопросы о сыне Даата, но спросить профессора об этом Роберт не смел. Ему вспомнилась неприязнь историка к Америке, поэтому английские слова в речи после возвращения из похода он использовать перестал.

Встреча с раненым другом встревожила Эльку. Она поняла, что колдунья сказала правду, когда упомянула про свершившееся пожертвование жизнью ради другого. Значит, на очереди она и профессор. От неминуемой, нависшей над ними опасности противно задрожало в животе. Поделиться неприятными предчувствиями было не с кем. Даат впал в уныние и почти постоянно молчал. Волновать его ещё больше не хотелось. Роберту тоже не нужны были дополнительные тревоги.

А впереди, судя по словам Убыр, ожидались ещё большие потрясения. Всю неделю до праздничного приёма во дворце Эля старалась вести себя обычно.

Айсун вернула костяную шкатулку на стол главного визиря до его возвращения, но пожалела, что не узнала у колдуньи причину существования второй пары подвесок. Дочь эмира пообещала подруге держать историю в тайне. Женская дружба, которую Эля до сих пор отрицала, оказалась реальной и даже приятной.

Накануне торжества в столицу прибывали гости: правители городов Булгарии; иноземные послы; вожди соседних племён; военачальники; богатые купцы. Район Караван-сарая наполнился разноязыким говором. Улицы, примыкающие к главной площади, украсили знамёнами и лентами. Суматоха во дворце достигла неслыханных масштабов. Яман вызвал профессора, чтобы запечатлел столь выдающееся государственное событие. Пришлось идти и выполнять приказ. Под вечер sunsetного дня его нашла Айсун:

– Даат, Эля мне всё рассказала. Знаю и про проклятие, и про ваше перемещение из будущего. Если мы с вами повязаны подвесками, хочу спросить, как у опытного человека: что же нам делать дальше? От беспокойства места не нахожу. Профессор вздохнул устало:

– К сожалению, остаётся только ждать новых событий. Проклятие придётся отрабатывать. Нам с Элей предстоит тяжёлое испытание, какое уже выпало Роберту. Вы же знаете о покушении на главного визиря?

– Слышала от Эли. Хвала Всевышнему, обошлось с юношей. Как вы пережили несчастье?

– Нелегко пришлось. Досталось парню, но уже поправляется. Что именно вас пугает? – Даат понимал, что Айсун не с кем обсудить сложившуюся ситуацию.

– Я всё думаю о том, почему подвесок две пары? – Этот вопрос тревожил девушку со дня встречи с Убыр.

– Если ваши подвески с проклятьем, значит, их подменил Яман. Возможно, после свадьбы он намеревается вернуть их обратно. У меня нет внятного объяснения существованию двух пар украшений, не знаю, чем и помочь, – Даат лишь развёл руками. Он действительно не мог разгадать этой головоломки, но, вспомнив о готовящемся торжестве, спросил: – Вы наденете их на приём?

– Не знаю, – замялась дочь эмира. – Не хотела бы, но ведь должен приехать Асан. Что скажу, если он увидит меня без них?

В глазах красавицы блеснули слёзы, она перевела взгляд на пол, чтобы не показать слабость и не разреваться.

– Если не давать подвескам проявляться, то проклятие не снять. Колдовство начинает работать, когда вы их носите. А теперь, с вашего позволения, я пойду к Яману. Не могу заставлять его ждать, – он ласково посмотрел на хрупкую девушку и, поклонившись, удалился.

«И откуда взялась идея о проявлении подвесок? Видимо от усталости», – мысленно заключил Даат, но где-то в закоулках сознания понимал, что есть в этом правда.

Наступил день приёма. Роберт должен был отправиться во дворец. Предстояло до ночи отстоять караул в тронном зале при полном обмундировании. После подвига юноши главный визирь непременно хотел видеть рядом с собой именно его. Трусом Яман не был, но помнил неудачное покушение, и кто из телохранителей оказался таким бдительным и ловким. Даату так же пришлось неустанно следовать за правителем, записывать подробности его указов и действий. «Чтобы потомки знали мой путь до мельчайших деталей и изучали, как историю жизни

Искандера-завоевателя»,* – постоянно твердил главный визирь, объясняя важность каждого пункта в летописи.

«В высоком самомнении вам не откажешь», – вздыхал профессор, а вслух соглашался:

– Разумеется, так и будет, господин.

Эля с утра находилась при Айсун, помогала наряжаться и поддерживала подругу на словах. Обе ощущали сильное волнение. У дочери эмира намечался важный день.

В назначенный час профессор в числе свиты главного визиря вошёл в тронный зал, где уже собрались гости. Поискал глазами Роберта. Убедился, что тот на месте. Он в первый раз находился здесь, поэтому осмотрелся внимательно. Помещение было светлым, просторным, с огромными витражными окнами. Потолок куполом уходил высоко вверх и напоминал пчелиные соты. Поверхность стен пестрила изразцами с красно-оранжевыми тюльпанами. Трон стоял напротив тяжёлых резных дверей. К нему вели два ряда колонн с подковообразными арками. В углу музыканты перебирали струны инструментов, похожих на лютни.

Приём начался с церемонии представления и подношения даров новому правителю Болгарии. Длилась она долго, желающих задобрить человека с таким могущественным влиянием было много. Одной из последних к трону прошла китайская принцесса, одарила сундуками заморских товаров и попросила о встрече с глазу на глаз. Яман согласился, назначив разговор после официальной части. Завершая церемонию, он произнёс:

– От лица правящей семьи эмира Бахрама, безвременно ушедшего от нас, и от имени народа Великого Булгара приношу вам благодарность за

* Имеется в виду Александр Македонский, так в тюркоязычном мире называли этого полководца и завоевателя.

присутствие здесь, в сердце нашего государства, и за роскошные подарки. В последнем сообщении эмир Бахрам поведал свою волю относительно будущего трона и повелел мне жениться на его дочери Айсун, чтобы иметь право управлять страной до совершеннолетия старшего наследника, обеспечивая мир и покой в стране. Прошу удостовериться в этом у госпожи Айсун. Позовите бику, — приказал он распорядителю торжеств.

В полной тишине в зал вошла дочь эмира. На ней было богато украшенное искусной вышивкой красное платье, парчовый кафтан в талию с оторочкой из белого песка и лёгкое покрывало, спускавшееся с высокого головного убора и прикрывавшее нижнюю часть лица девушки. Каждый шаг давался Айсун с трудом, словно в её бордовые остроносые туфли налили свинца. Даат заметил, как её миндалевидные глаза ищут того, кого ждало сердце.

— Айсун, — Яман поднялся, чтобы почтительным поклоном поприветствовать бику. — Вы видели последнее письмо отца. Согласны ли выполнить его волю?

Хитрый визирь пытался на глазах гостей получить положительный ответ, которого пока не дождался. Ему, как будущему законному правителю, важно было добиться добровольного и публичного согласия невесты, чтобы подтвердить свои права на трон.

— Воля отца для меня — закон. Но меня не радует свадьба с вами, главный визирь. Если угодно родителю, я стану вашей женой, — под нарастающий шепоток с тяжёлым сердцем произнесла Айсун и заторопилась к дверям, в стремлении быстрее закончить эту пытку. Асана среди гостей она так и не увидела.

К горлу девушки подкатил удушливый ком. Хотелось вздохнуть свободно. Она миновала все коридоры дворца и вышла в сад. Остановилась в дальнем углу. Сердце не подвело. Из-за могуче-

го дуба показался Асан, взволнованный и поникший. Девушка вошла под зелёный шатёр листьев.

Айсун смотрела на самого близкого и желанного человека. Любовалась широкими плечами и статью, ямочкой на щеке и грустными карими глазами. Мысленно проводила пальцем по соболиным бровям, запускала руки в смоль волос, гладила по мужественному бородатому лицу. В родных чертах видела себя. Они походили друг на друга и подходили друг другу, в этом сомнений не было. Но пришлось расстаться. Горько и больно оказаться разменной монетой в политических играх. Убрав покрывало, она открыла лицо.

— Асан, сегодня моя жизнь потеряла смысл. Я согласилась выйти замуж за Ямана. Прости... — слёзная пелена размыла картинку перед глазами, словно пыталась стереть из памяти дорогой образ.

— Ты не смогла отказать ему?! — с отчаянием в голосе вскричал Асан.

Он вложил всю свою ярость в удар кулаком по стволу дерева. Ему — сыну одного из уважаемых беков государства — было не по силам изменить волю того, кто уже не вернётся к жизни. Побег, официальное предложение, откуп — Айсун отвергла все его идеи.

— Ты покорилась, стало быть. Тогда прощай. Будь счастлива, если сможешь. — Никогда в его голосе девушка не замечала жёсткости и сарказма, но в этот раз приходилось смириться с тем, что возлюбленный имеет право на это. И на исчезновение из её жизни без оглядки и навсегда.

Пока в саду происходила сцена расставания, Яман пригласил в свой кабинет китайскую принцессу. Роберт с Байсаром снова оказались возле дверей приёмной визиря. Пришлось прикладываться ухом к замочной скважине...

— Су-Цзы собирается получить грамоту у Ямана, чтобы отправить её пра-

вителю Шамсуара. В ней будет написано, что Асан должен жениться на ней во имя государственных интересов. За это пообещала Яману сундуки золота. Вот гад! – возмущался Роберт, пересказывая вечером Даату и Эле подслушанный разговор двух злодеев. – Не надо было спасать его.

Девочка промолчала и только крепче обхватила себя за плечи, после тяжёлого дня ей хотелось помолчать.

– Роберт, сынок, ты поступил по велению сердца и воспротивился насилию. А с китайской принцессой можно хитростью справиться, – мудро заметил профессор.

Близким стал для него этот долговязый подросток за несколько недель. Даат давно не ощущал родительских чувств. Поэтому Роберт с Элькой заняли пустующее место в сердце: «Славные они», – радовался профессор появлению ребят в своей жизни и понял, что успел полюбить этих замечательных детей.

23. Китайская принцесса

На следующий день обсуждали вопрос, как расстроить планы разлучницы. Троица тайком собралась у Айсун. С тяжёлым сердцем она согласилась на встречу, потому что вчерашние события повергли её в уныние, помогли лишь уговоры Эльки.

Спорили долго. Когда поток невыполнимых и абсурдных идей иссяк, профессор обратился к историческому примеру:

– Вы слышали про троянского коня? Проведём аналогию. Нам нужно проникнуть к Су Цзы. Просто так, с улицы, к ней не зайдёшь. Значит, нужно сделать так, чтобы она заинтересовалась встречей. Думаю, откликнется на имя Асана.

– Знаю троян. Это когда безобидная, казалось бы, программа встраивается в компьютер и нарушает его работоспособность, – оживился Роберт.

– Почти. Только я имел в виду громадного деревянного коня под стенами древней Трои. Хотя, это уже неважно. Принцип, как понимаете, един, – улыбнулся Даат.

– Что же нам подослать вместо троянского коня? У китайской принцессы черепушка варит прекрасно, – Элька задумалась и посмотрела на Айсун.

– А что, если преподнести ей в дар подвески с проклятием? От имени Асана, разумеется, – предложила та. – Мне они теперь без надобности. Очевидно, что истинные украшения Яман держит у себя. А когда Су Цзы приедет в Шамсуар в моих подвесках, правитель города и сам Асан уличат её в краже и выгонят. Я надеюсь на это.

– Точно! Гениально! Bravo!

Все обрадовались, что нашёлся ключ к сложной задачке. Получалось, что подвески снова продвигали их проблему к разрешению. А это добрый знак.

Решили подождать подходящего момента. И он настал. Китайская принцесса отправила полученную у Ямана грамоту в Шамсуар с письмом о своём скором прибытии. Через несколько дней ей пришёл ответ с приглашением посетить второй по величине город в государстве. Су Цзы сообщила главному визирю о согласии Ахунд-бека – правителя Шамсуара – встретиться с ней и стала собираться в дорогу. Медлить было нельзя. Эля с Робертом положили подвески в шкатулку и снабдили их посланием, наподобие того, что писал Асан для Айсун. Потом отправились в дом Су Цзы в надежде стать тем самым злополучным троянским конём, который разрушит планы азиатского дракона, верней, драконихи.

Китайская принцесса жила в большом доме с многочисленной охраной в районе Караван-сарая. Подростков она приняла в роскошном зале, чьи стены украшал шёлк синего цвета с нежными кувшинками. Всё убранство комнаты напоминало хитрую шкатулку, что сна-

ружи обещала приятные впечатления, а внутри хранила мрачные тайны.

И «дракониха» соответствовала своему жилищу, оказалась хитрей, чем они ожидали. Су Цзы не поверила в легенду о подарке Асана, хотя подвески нацепила и сразу закружилась по залу. Оценивала, как они сочетаются с роскошным красным кимоно, расшитым золотыми драконами. С маленького столика подхватила ручное бронзовое зеркало и принялась с гордостью рассматривать свое белёное лицо с высокой причёской. Роберт с Элей молча наблюдали за тщеславным любованием принцессы.

– Не мось столь благолодный человек разбрасываться уклашениями без надобность. А стобы она появился, буду его ухаживать. – Су Цзы подошла к подросткам и рассмеялась им в лицо.

Она уже говорила на болгарском языке, но речь её была далека от совершенства.

– Тебя... – зло ткнула пальцем принцесса в грудь Роберта, – видеть следы воинов главного визиля. А тебя, девоска с белыми волосами, спутать с кем-то нилься. За подвески благодаю. Но в сём секлет?

Она уставилась на ребят, словно сканировала их.

– Ни в чём, – растерянно отозвался Роберт, еле поняв лепет Су Цзы.

– Тогда я сдавать вас Яману, пусть лазбилается с лживый подданный, – не унималась китайская принцесса.

Тут Элька решила идти напролом:

– Хорошо, мы скажем правду. Мы выкрали украшения у дочери эмира. Хотели перейти к вам на службу, – она

незаметно сжала ладонь друга, намекая на неизвестный план «Б». – Слышали, собираетесь в Шамсуар, а нам тоже нужно уехать, да поскорее. Он – мой жених. Но родственники против нашей свадьбы. Пожалейте нас. Кроме вашего дома, податься некуда, везде найдут.

– Плавьдой и не пахнуть, – скептически отмахнулась Су Цзы в знак недоверия. А подумав, добавила. – Холосо. Не буду казнить никого. Дать вам санс доказать пледанность. Но только одного из вас взять к себе. Оставлять в залозниках. Длугого отпускать, стобы не самышлять плотив меня косни и не посметь помесать планам. Кого выблать?

Вся стая золотых китайских драконов на красном шёлке задумалась во главе с принцессой.

– Возьмите меня! – безрассудно выпалила Элька.

– Пусть девоска остаётся, она холосо укласать мою свиту, – засмеялась заморская принцесса и выставила парня за дверь.

Элька осталась одна во вражеском тылу с осознанием того, что по вине проклятых подвесок сама себя отдала в полное распоряжение «драконихи». Казалось, даже кувшинки на стенах поникли, сочувствуя ей.

Роберт помчался сообщить Даату о провале операции. Посоветовавшись, решили поехать верхом вслед за китайским караваном, прихватив письмо от Айсун для возлюбленного – их единственный козырь. Из дворца отпросились, сославшись на необходимость продолжить лечение за пределами столицы. Яман благоволил к ним обоим, чем они и поспешили воспользоваться.

(Окончание в следующем выпуске.)